

ДАЙ (НЕ)
МНЕ УТОНУТЬ

Лана Мейер

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лана Мейер

(Не)дай мне утонуть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70455199

SelfPub; 2024

Аннотация

Он – высокомерный мажор, мотогонщик и мой будущий сводный брат. Наши родители скоро женятся, поэтому мама заставила меня переехать в Испанию. Когда нам было тринадцать, я влюбилась в него и в нашу игру, но сейчас все изменилось. Александр Кайрис жесток и бессердечен, и моя невинность – это наименьшее, что он у меня отнимет. В канун свадьбы наших родителей я узнаю, что беременна от него, но самое страшное скрывается в прошлом родителей, ошибки которых лишат нас права на счастье.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	29
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	51
Глава 8	57
Глава 9	66
Глава 10	75
Глава 11	86
Глава 12	98
Глава 13	106
Глава 14	114
Глава 15	122
Глава 16	131
Глава 17	142
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Лана Мейер

(Не)дай мне утонуть

Глава 1

Марина

– Дорогая, ты что нос повесила? Любая другая бы визжала от радости на твоём месте. Посмотри, какая здесь красота! Мы уже подъезжаем к Марбелье, (** город на побережье в Испании*) – воодушевлено щебечет мама, пока я скептическим и скучающим взором оглядываю идеальные пальмы, сопровождающие нас всю дорогу от аэропорта до этого проклятого дома, где живет мой будущий отчим.

Моя мама вот-вот выходит замуж, и за обрушившееся на нее счастье, приходится расплачиваться мне.

Иммиграция в другую страну совершенно не входила в мои планы, даже если это солнечная Испания. Я до мозга костей петербурженка, и несмотря на то, что очень люблю теплую погоду и морской воздух, я совершенно не была готова к этому переезду.

Надеюсь, через несколько недель, когда мне исполнится восемнадцать, я вернусь обратно в Россию. В Питере у меня есть все: мои друзья, вуз мечты, несколько ролей в театре и

главное – мой молодой человек, без которого мне не нужен этот чертов дом на побережье средиземного моря.

С Денисом у нас большие планы на будущее и общие цели. Мы оба с тринадцати лет играем в театре Эстрады имени Райкина. Он – мои первые серьезные отношения, и я уверена, что это навсегда. А раз «навсегда» то временное расстояние не разлучит нас, правда?

Мама конечно, настаивает на том, чтобы я получала европейское образование, если есть такая возможность. Она думает, что мое желание стать актрисой – детский инфантилизм, хоть и гордится моими подростковыми ролями и выступлениями. Я же не вижу смысла начинать все с нуля, на не родном языке, если за моими плечами фактически пять лет упорной работы в индустрии мечты.

– Боже, что это, мам? Мы приехали к испанскому королю? – нервно сглотнув, интересуюсь у матери, когда комфортабельное авто с личным водителем, встретившее нас в аэропорту, бесшумно тормозит перед забором из кованного железа с изысканными узорами, что придают ему роскошный и помпезный вид. Сам особняк, который станет нашим будущим домом, окружен пышной зеленью туи и кипариса, многообразие которой создает атмосферу уединения и уюта.

За воротами виднеется минималистичная дорожка, вымощенная камнем. С обеих сторон она украшена цветочными клумбами, что по красоте и яркости красок могут конкурировать с наполнением Эдемского сада, но для меня все эти

цветы и невообразимая красота больше выглядят как «разукрашенная дорога в ад».

Или в тюрьму. Так называемую «золотую клетку» на которую подписалась моя мать, влюбившись в русского олигарха, что баснословно разбогател пять лет назад и перевел свой международный бизнес в Испанию. Кажется, они знакомы еще со студенческих лет, и несмотря на то, что у каждого из них после окончания института была своя жизнь и свои семьи, судьба свела их вновь и привела к планированию свадьбы.

У Владислава Кайриса есть взрослый сын от первого брака. Кажется, он на пару лет старше меня. И я очень надеюсь, что он не сильно изменился с того времени, как я видела его в последний раз, потому что мы неплохо ладили, когда пересекались в детстве. Помню, как он манипуляциями заставлял меня поднять юбку и показать ему что у меня под ней, будучи восьмилетним мальчишкой, но я не сдалась его провокациям.

Уже тогда он был юным монстром. Меньше всего я хочу контактировать с ним, и надеюсь, в таком огромном доме мне удастся хорошенько от него спрятаться. Впрочем, мама говорила, что на неделе он учится в закрытом колледже для мажоров, а я выбрала удаленное обучение в своей российской школе и подготовку к экзаменам.

Да уж, ситуация, конечно, странная. Моя мама выходит замуж за овдовевшего супруга своей давней студенческой

подруги. Анна Кайрис умерла лет пять назад и мама тяжело переживала ее скоротечный уход из жизни из-за рака легких. В студенческие годы они дружили и общались в одной большой компании. Влад, Анна и моя мама познакомились в студенческом строительном отряде. Раньше, браки заключали очень рано, и на последнем курсе университета, мама уже родила меня, в то время как Влад и Анна были родителями с третьего курса. Первые восемь лет мы дружили семьями, виделись не часто, но собирались в мае на шашлыки, а летом ездили в походы. После смерти жены, Владислав баснословно разбогател и уехал в Испанию. Казалось бы – нити, связывающие наши семьи навсегда оборвались, и я даже представить себе не могла такой исход, что маме придется превратиться из Агаты Диваковой в Агату Кайрис.

Надеюсь, она не будет настаивать на том, чтобы я меняла фамилию. Меня вполне устраивает моя, как и устраивал мой город и страна!

– Теперь это наш дом, милая, – с немного одержимым восхищением вздыхает мама. Моя мама всегда выглядит «с иголочки» и очень хочет всем нравиться. У нее всегда идеальная укладка, ухоженные ногти и наглаженная одежда. Подозреваю, что как человек, почти всю жизнь пребывающий за чертой бедности и сводящий концы с концами, она всегда мечтала о подобной роскоши и богатстве.

– Ну правда, здорово? Тебе здесь понравится, я уверена. Глядя на все это, уже не так домой хочется, правда? – тере-

бит свое блондинистое каре, очевидно нервничая.

Она должна быть самой счастливой, но я кожей ощущаю ее нервозность и странные перепады в настроении. Еще бы, меня тоже бы терзало чувство вины, если бы я соблазнила мужа своей трагически скончавшейся подруги.

Треш.

Кидаю скептический взор на свою мать, скривив губы. Мама кружится перед открывающимися воротами в нежном цветочном платье и снова выглядит чертовски счастливой. Аж тошно. Никак не могу за нее порадоваться, потому что откровенно считаю, что Владислав Кайрис и его сын – темные лошадки. Всадники апокалипсиса, разрушающие жизни и идущие по головам ради своих целей.

Человек, что начинает встречаться с бывшей подругой своей покойной супруги не может вызывать у меня никакого доверия. Черт знает что у них там творилось в студенческие годы.

– Мой дом в Питере, – сквозь стиснутые зубы бурчу я, скрещивая руки на груди.

Наши чемоданы забирает многочисленная прислуга и водитель, аккуратно и услужливо укладывая их на специальную тележку, как в самых дорогих отелях мира. Жаркое испанское солнце печет лоб, и заставляет прилично так шуриться, что сулит мне преждевременные морщины вокруг глаз. Как будущей актрисе, мне важно сохранять определенный внешний вид и лишний раз не портить мимику.

Хотя, очевидно, что этот переезд поставит под удар не только мою карьеру, но и всю будущую жизнь.

Могла ли я остаться там? Не было ни единого шанса.

– Влад! – кричит вдруг мама, подпрыгивая на месте и тут же несется вперед по каменной дорожке, направляясь к двери дома. Всего пару мгновений назад на крыльцо вышел широкоплечий и высокий мужчина. Видок у него такой, словно он собирается играть в гольф, хотя, кажется, мама делилась тем, что именно этим видом спорта он и занимается профессионально, уделяя ему все свое свободное время. – Наконец-то мы вместе, – она крепко обнимает мужчину в белой рубашке поло, несмотря на то, что он остается довольно сдержанным. С разочарованием замечаю, что его ответные движения в ее сторону слегка скованы. Не думаю, что это из-за того, что его чувства к ней не сильны. Скорее всего, Владислав Кайрис относится к этим вечно холодным мужчинам, любовь которых приходится заслуживать.

Мама всегда выбирала таких.

– Добро пожаловать в Испанию, солнце. Кажется, с твоим приездом, здесь стало еще жарче, – их разговор доносится до меня словно сквозь толстый слой ваты. Я рыдать хочу в голос, потому что не хочу идти вперед и заходить в дом. Кажется, будто, когда я переступлю его порог – обратной дороги не будет.

– Я всю жизнь мечтала жить в лете. Эта питерская погода, хмурость и слякоть, вечные ОРВИ... кому я рассказываю?

Ты и сам прекрасно все помнишь, – воркует с женихом мама.

– О да, эту погодку лучше не вспоминать, – низко смеется мужчина, приобнимая маму за талию. У меня сердце кровью обливается, потому что мне, как и любому ребенку, трудно принять «нового папочку». Да, мне скоро восемнадцать, и считается, что я уже взрослая и должна быть терпимой, разумной, и сепарированной... но когда дело касается того, что я должна пожертвовать своей жизнью и своими желаниями ради близкого человека, осознанность и толерантность вырубается автоматически.

– Чем ты сегодня занимался? Опять был в гольф-клубе?

– На самом деле да, сегодня у меня выходной и я полностью посвятил его спорту. Как и у поваров, сегодня в Испании национальный праздник. Еды дома нет, поэтому я предлагаю вам переодеться и отправиться в ресторан, а еще лучше – вооружиться купальниками и отправиться на яхт-прогулку. Думаю, закат в море поднимет Марине настроение. Как ты, красавица? – пренебрежительно веду плечом в ответ на его обращение.

– Вот так сразу? С корабля на бал? Обожаю твою спонтанность, – милуется с женихом мама, повиснув на его плече.

– Я пас, – бросаю я, оценивающим взглядом оглядывая Кайриса. – Покажите мне мою комнату. Если у вас есть лапша быстрого приготовления или доставка еды, то меня устроит вечер в одиночестве, – заявляю я.

– Твоя дочь не в настроении, но я надеюсь, оно изменит-

ся, когда она увидит свою комнату. Недавно, там закончили ремонт и все готово. Помнишь, я показывал тебе проект три месяца назад, когда ты приезжала сюда? Проводи ее, Агат, – мама, кажется, только рада тому, что вскоре отправится на яхт-прогулку с будущим мужем без депрессивно настроенного подростка.

Спустя пять минут блужданий по бесконечным коридорам большого дома, мы с мамой оказываемся в моей новой спальне. Должна признать, выглядит впечатляюще. Очевидно, что Владислав любит пускать пыль в глаза и устраивать сахарное шоу. Но красивый ремонт едва ли способен сделать меня счастливой...

– Твоя комната, – затаив дыхание, комментирует очевидный факт мама, когда я бросаю рюкзак на кровать, застеленную белоснежным бельем. – Вид потрясающий, правда? – она обращает мое внимание на панорамные окна от пола до потолка, за которыми простирается не только балкон, но и бесконечное бирюзовое море, сверкающее под лучами солнца.

Делаю глубокий вдох, наслаждаясь средиземным воздухом. Должна признать, есть в этом особая магия. Этот аромат всегда отправляет меня в детство, в те времена, когда я ездила в лагеря недалеко от Сочи. Три дня на поезде с пакетом вареных яиц, курицы, лапши и сухариков казались раем для подростков, чьи приключения начиналось уже в тесном плацкарте.

– Мам, ты можешь идти. Я хочу побыть одна, – бесцветным тоном выдаю я, пока она открывает несколько шкафов в моей комнате, наглядно демонстрируя мне удобство нового пространства.

– Какая ты неблагодарная, Марин, – цокнув языком, качает головой мама. – Я устала развлекать тебя и поднимать тебе настроение.

– Я тебя об этом не просила, – отрезаю я, плюхаясь на мягкую кровать. – Достаточно было оставить меня с бабушкой дома.

– У нас договоренность, дочь.

– Ага. Можно оставить меня в покое? Тебя ждет свидание с мистером идеальность. Я так понимаю: я останусь дома одна?

– Да, с охраной и прислугой. Алекс, насколько я знаю, остался в эти выходные в колледже.

– Мне это не интересно. Был бы он здесь, я бы все равно не хотела его видеть, – вредничаю я, но озвучиваю абсолютную правду. Мне хочется зарыться от всего мира, остаться в этой милой и уютной комнатке...или, тюрьме.

– Хорошо, сиди тут и думай над своим поведением. И в кого ты с таким характером?

– Может быть в папу, о котором я ничего не знаю? – ошестинившись, скалюсь я.

Это правда. Я не знаю, кто мой отец. Мама мне о нем ничего не рассказывала. Это ее принципиальная позиция – она

ведет себя так, словно его никогда и не существовало, а я появилась на свет из пробирки.

– Закончили разговор. Сиди дома и страдай от самого великолепного вида на всем побережье, – строго заканчивает разговор мать, и цокая каблучками, направляется к двери, чтобы с демонстративным хлопком закрыть дверь с другой стороны.

Как только остаюсь наедине с собой, отправляюсь на балкон, чтобы упасть в кресло-мешок и почитать сценарии к некоторым будущим постановкам. В какой-то момент, я даже ловлю себя на мысли, что невероятно кайфую от мягких закатных лучей солнца, целующих мое лицо. Небо озаряется розово-фиолетовым светом, низкие облака крупными мазками нависают над темнеющим морем. Воздух в этой тюрьме по истине фантастический. И я правда, стараюсь найти много плюсов в том, что нахожусь здесь, даже предвещая тот факт, что мне здесь будет невероятно скучно.

С другой стороны...здесь, мое прошлое никогда не догонит меня. Здесь никто не знает о том, что случилось той ночью. Здесь, я в безопасности.

И возможно...мама права, и мне стоит получать высшее образование здесь? Разрекламировать Денису местные актерски школы? Был бы он рядом, я бы прошла этот путь с ним, несмотря ни на что, и не оступилась.

Сама не замечаю, как погружаюсь в сон со сценарием в руках. Просыпаюсь от многотонального смеха, можно сказать

ПЬЯНОГО ГОГОТА.

Глава 2

Громкая музыка, бьющая по сонной голове, раздражает нервы и выходя из объятий Морфея, я осознаю, что на улице уже темно. На белые стены балкона падают неоновые лучи, танцующий в такт современным трекам. Меня не покидает совершенно четкое ощущение того, что дом переполнен веселящейся молодежью.

Что черт возьми происходит? Осторожно опираясь на перила балкона, пытаюсь разобраться в происходящем. У меня вид на море, а не на сад, но если повернуть голову влево, то можно разглядеть толпу хихикающих девчонок в бикини.

Мать его. Это вечеринка. Вечеринка в частном доме. Но кто мог пробраться сюда, учитывая такое количество охраны? Только тот, у кого есть ключ.

Ладно. Меня это касаться не должно. Я просто тихо и спокойно останусь в своей комнате. Правда, я жутко хочу есть, но как-нибудь перетреплю до утра.

Еще какое-то время я пытаюсь разложить часть вещей, совершаю вечерний туалет, чтобы подготовиться ко сну. Переодеваюсь в шелковую белую пижаму-двойку, состоящую из шортов и рубашки с короткими рукавами. После того, как я закрыла балкон, муза почти перестала меня беспокоить. Должна признать стены здесь добротные и звукоизоляция отличная.

Как только моя голова касается подушки, происходит то, что заставляет меня буквально воспарить над кроватью, вздрогнуть от ужаса. Слух режет пожарная тревога, вгоняющая меня в такую панику, что дышать становится трудно. Господи. Дом просто огромный, а если я горю заживо или задохнусь здесь? Эти идиоты устроили пожар? Они такие пьяные, что вполне могли это сделать.

Ошалев от страха, хватаю свой рюкзак с самым необходимым и выбегаю в коридор. Звуки пожарной тревоги не умолкают, а кажется, только набирают обороты и мешаются с оглушительной музыкой. В ноздри ударяет резкий запах дыма, и мои ноги немеют от ужаса, когда я начинаю осознавать весь масштаб бедствия.

Неужели я так сильно прокляла этот дом, что его решили спалить в первый же день моего переезда? Это слишком жестко, даже для дома, который я ненавижу.

Быстро спускаюсь вниз и выбегаю во двор, ожидая наткнуться на паникующих гостей вечеринки. Но «бегущих с тонущего» корабля не наблюдается. Я вижу толпу кайфующей золотой молодежи, отрывающихся на всю катушку.

В Эдемскому саду Владислава Кайриса творится настоящая вакханалия. Отбивающая ритм, музыка, заполняет пространство всей округи, яркие огни и фонари создают атмосферу клуба под открытым небом. Судя по костюмам, дресс код у этого сборища один – купальники, и чем откровеннее, тем лучше. Парни в шортах – и на этом спасибо. У меня глаза

разбегаются от количества красивых девушек, щеголяющих перед парнями фактически в костюме Евы.

В эпицентре праздника расположен бар, переполненный шампанским и коктейлями, аромат свежей пиццы летает в воздухе, заводя мой аппетит. Только сейчас я понимаю, что в доме пахло не пожаром, а мясом на гриле. Мой взгляд цепляется за толпу играющих в твистер, настольный теннис... кто-то сидит на мягких пуфиках и смотрит фильм на проекторе без звука. Здесь, как минимум, пятьдесят человек и я ощущаю себя максимально потерянной в толпе незнакомцев.

Хочется уменьшиться, спрятаться, провалиться сквозь землю.

Вздрагиваю, замечая, как один из парней с визгом прыгает в бассейн с небольшого трамплина. Брызги от волны летят прямо на меня, и вот я уже недовольно топчу ногами, яростно сжимая кулаки.

Надо срочно отсюда проваливать. Думаю, пожарная тревога была чьим-то глупым розыгрышем, иначе бы давно уже весь дом полыхал.

Внезапно, я замечаю под ногами вещицу. Предмет, от одного вида которого меня начинает бить мелкая дрожь.

Нет, нет, нет. Это не может быть на яву.

– Зачетные сиськи, детка! – проходя мимо, свистит мне один из спортивных парней.

– Исккупаться еще раз не хочешь? – рычит второй, и в следующую секунду я ощущаю удар на своей заднице. Залива-

юсь краской, обомлев от такой наглости в свою сторону. Это так унижительно. Все говорят по английский, миксуя между собой английские и испанские фразы.

Я закрываю грудь ладонями, только сейчас осознав, что белая пижама на мне насквозь промокла и теперь просвечивает.

– Сколько вам лет, ублюдки? – рычу я им в спины, умирая от желания запустить в них пару дротиков, что метают в игровой зоне.

– Не смей называть моих друзей ублюдками, – раздается голос со стороны. – Когда девушка светит своими сиськами, значит, она сама напрашивается на такое отношение к себе. Не так ли, русалка? А ты сильно изменилась.

Русалка.

Я медленно поворачиваюсь в сторону голоса. Нервно сглатываю, пот бежит по спине... он так изменился. Передо мной другой человек, особенно, если сравнивать его с тем мальчишкой, что из любопытства пытался заглянуть ко мне под юбку. Сейчас он выглядит так, словно оставил позади себя тысячи сдернутых с девственниц юбок. И смех, и грех.

Мир замирает, когда мы с Сашей встречаемся взглядами. Александр Кайрис. Должно быть здесь его все называют Алекс, или Алессандро. От Саши там точно осталось мало.

В его взгляде расцветает презрительное и высокомерное нЕчто. И смотрит он на всех с высока не только из-за роста под два метра. Зелено-карие глаза, холодные и пронзитель-

ные буквально выворачивают душу каждому, кто осмелится взглянуть в них. Темные волосы Алекса небрежно растрепаны, и не удивительно, поскольку от них не отлипает брэнет-ка с пышными формами, стоящая позади кресла, в котором восседает Кайрис. Вторая девушка, чья кожа усыпана веснушками, а волосы отливают огненно-рыжим цветом, сидит у его ног, прямо на траве и беспрерывно наглаживает его ладонь, сжимающую подлокотник.

Кайрис восседает среди этих шлюх, словно шейх, облепленный наложницами и рабынями. Меня вот-вот стошнит от этого зрелища, но я быстро перевожу свой фокус внимания с полуголых девиц на татуировки Алекса. На нем лишь джинсы, поэтому я могу увидеть, что их огромное множество, но плотно забит только левый «рукав».

Мне нравятся татуировки, потому что они делают любого человека книгой, которую можно легко прочитать. Но с Алексом Кайрисом не будет легко, я в этом уверена.

Несмотря на жесткость и надменность, каждый его жест пропитан силой и непоколебимостью. Режиссёр про таких персонажей говорит лишь одну фразу: «Его можно любить, или ненавидеть», и я бы отнесла Кайриса именно к таким личностям: он всегда цепляет внимание, заставляя окружающих ощущать себя слабыми и незащищенными перед своей всепоглощающей энергетикой.

– А ты еще сильнее, – сжимая кулаки, занимаю оборонительную позицию. – Отец твой знает о вечеринке? Я спать

не могу.

Алекс пропускает мою предьяву мимо ушей. Небрежно скинув с себя рыжевласую подпевалу, он встает с кресла и медленно преодолевает расстояние между нами. Пристально заглянув мне в глаза, он вдруг наклоняется передо мной, но лишь для того, чтобы подобрать что-то с газона.

Тот самый предмет, который я заметила несколькими минутами ранее.

– Есть вещи, которые уже невозможно изменить, Мари. Не так ли? – многозначительным тоном протягивает Алекс, буквально каждым движением губ заколачивая гвоздь в крышку моего гроба. Ледяной пот струится по спине, сорочка прилипает к коже, и мне становится так дурно, когда он протягивает мне игрушечную машинку. Это модель белого спортивного Porsche 911 в миниатюре.

– О чем ты? Я не понимаю, – стараюсь сохранять внешнее спокойствие и непоколебимость, но сдается мне, этот гаде-ныш читает меня, как открытую книгу.

– Наша игра продолжается, – выносит приговор Алекс.

– Ты серьезно? Сколько тебе лет?

– Серьезнее некуда, сестрѐнка, – с издевкой выдает Алекс.

– А что будет, если я откажусь?

– Я начну с малого. Не буду топить тебя сразу. Не пойду с козырей, но найду чем нанести удар по твоей карьере актрисы.

– Зачем тебе это? – я не могу дышать, удивительно, что я

еще вообще шевелю губами.

– Чтобы уничтожить тебя. И твою мамочку, – с прищуренными веками он становится похожим на ядовитого змея, что медленно оплетает мою жизнь ядовитыми кольцами.

– Если ты не рад свадьбе наших родителей, то я тем более. Так может вместо того, чтобы воевать друг против друга, объединимся в одну команду?

– Я не собираюсь воевать с тобой, русалка. Всего лишь дергаю тебя за хвост. Сейчас – твоя очередь исполнять задание.

– Я не хочу никакого задания. Давно вышла из игры.

– Из «джу-манджи» нельзя выйти, пока не дойдешь до финала.

– И где же финал?

– Финал... ты ни с чем его не путаешь, – с угрозой ухмыляется Алекс. – Готова? Бьянка, принеси леди напиток, и покрепче, – приказывает он, обращаясь к одной из своих шлюх. Та недовольно фыркает, но после того, как он резко ударяет ее по ягодицам, послушно выполняет то, что велит Кайрис.

– Я не буду пить алкоголь. И не буду плясать под твою дудку.

– Тогда завтра же, твоя мама узнает на что ты пошла ради лучших ролей в театре, – подмигивает мне Алекс.

Я мгновенно заливаюсь краской. Он и об этом знает? Боже, нет. Мне так стыдно. Никто не должен знать об этом. Ни

моя мама, ни мой парень. Это слишком грязно и мерзко. Я не смогу этого вынести.

– Пей, детка. Пей до дна, – протягивает мне пластиковый стаканчик, от которого веет ядерным алкоголем. Там что, абсент?

– Чтобы ты сдох, Кайрис, – проклинаю его я, осушая стакан с пойлом до дна. Удивительно, но пьется относительно легко, потому что в коктейле присутствует сладкая газировка. Боюсь представить, что сейчас будет происходить с моим пищеварительным трактом, если я выдула это на голодный желудок.

– Я уже внутри мертв и бессердечен, а вот тебе, есть что терять.

– Что мне нужно сделать, чтобы получить ее? – кидаю многозначительный взгляд на символ власти, зажатый в его кулаке.

– Видишь того парня? – когда Кайрис как ни в чем ни бывало приближается ко мне и приобнимет за плечо, и едва ли не вздрагиваю всем телом. То место, где соприкасаются наши тела, полыхает огнем, и мои мысли мгновенно путаются. – Даниэль Грасиа.

Это вероломное нарушение моих личных границ. А еще меня бесит тот факт, что у него тело еще не остыло от прикосновений тех шлюх, а он меня лапает.

Медленно убираю его ладонь со своего плеча, проклиная тот факт, что мне нравится ощущать его кожу подушечками

своих пальцев.

Сквозь толпу развлекающейся и танцующей молодежи, пытаюсь разглядеть того парня, на которого указывает Алекс.

– Ага, – киваю я, вглядываясь в очертания крупного юноши. Судя по загорелой коже, сухому и поджарому телу, и самолюбованию уровня «нарцисс», он испанец.

– Он украл из моего гаража счастливый мотоцикл, в котором я выиграл несколько гонок. Одна важная деталь: это мое предположение, но доказательств у меня нет. Слабо, соблазнить его, усыпить его бдительность и забрать ключи из кармана джинс? – провоцирующим шепотом отдает указание Алекс.

– А сам ты с ним разобраться не можешь? – сжимаю кулаки, прекрасно зная, что все он может. Он хочет надо мной поиздеваться. Подергать за ниточки. Посмотреть на меня в совершенно разных обстоятельствах.

Я не могу остановить эту игру. Она всегда была между нами. Расстояние способно прервать ее, остановить на время, не более.

– Могу. Но я хочу, чтобы ты показала мне, чего ты стоишь, русалка. И на что ты способна, ради того, чтобы твоя репутация осталась чиста, – успевает надавить на больное Кайрис. – Ты знаешь, какой будет награда, сестренка, – его дыхание обжигает ухо, но пылает мое сердце. – Будет твоя очередь. Месть... так сладка. Не так ли, Мари?

– Марина, – поправляю я. Меня бесит, что он называет меня так интимно. Так, как никто другой.

– Слабо, Мари? На, – издевается сводный брат.

– Легко, – взмахнув волосами, я выкидываю пустой стаканчик. Адреналин закипает в крови, алкоголь делает свое дело и я становлюсь куда раскрепощённые и смелее. – Я достану тебе ключи от его гаража.

Расталкивая локтями толпу танцующих девчонок, кидающих на меня возмущенные взгляды, я уверенно приближаюсь к Даниэлю. По мере того, как приближаюсь к нему, он выглядит все больше, внушительнее и опаснее. Грасиа о чем-то увлеченно повествует компании окруживших его парней, периодически взмахивая руками. Он на сто процентов испанец, но как я поняла, здесь почти все знают английский, и общаются друг с другом на испанском и английском, так как ходят в международный колледж.

– Hola, guapo! (*привет, красавчик) – вклиниваюсь в разговор компании пятерых парней не испытывая смущения. Я редко пью, поэтому алкоголь действует на меня моментально. И многого мне не надо.

– Hola, babe, – Даниэль обращает на меня все свое внимание, детально изучая мою пижамку и все то, что может скрываться под ней. Довольно кивнув, очевидно, оставшись удовлетворенным моей формой, мужчина жестом затыкает рот всем парням, что окружают его важную персону. – Ты кто? Новенькая? – переходит на английский, с первых нот

уловив мой акцент.

– Да, я недавно переехала.

– Тоже учишься в SEK? – просто киваю, догадавшись, что он имеет в виду название колледжа.

– Ага, – облизываю губы, лихорадочно пытаюсь сообразить что делать дальше. Соблазнить его? Не уверена, что это хорошая идея. Такого будет трудно остановить, если соблазниться. И Денису это бы очень не понравилось.

– Зачетная пижамка, – Даниэль делает шаг на встречу ко мне, и смахивает невидимые пылинки с нежного шелка. – Ты пиздец красивая, – откровенно выдает испанец, заглядывая мне в глаза. – Такая светленькая. Как ангел.

– Я знаю.

– А подошла зачем?

– Я скажу тебе, только не смотри в сторону Александра Крайса, – обхватываю лицо Даниэля, чтобы удержать его взгляд и внимание на себе. Со стороны должно выглядеть так, словно я его соблазняю. Здоровый парень немного охренел от моей смелости, но кажется, ему только нравится, когда девушки берут все в своих руки. – Хозяин дома попросил меня соблазнить тебя и забрать ключи от твоего гаража, чтобы проверить не ты ли украл его байк.

– Серьезно? Какого черта. Он теперь через своих подпевал действует?

– Я не его подпевала. И у меня к тебе предложение.

– Какое?

– Мы можем сделать вид, что я тебя соблазняю, немного пообниматься, а потом ты просто отдашь мне ключи? Если ты не крал его байк, то скрывать тебе нечего. К тому же, теперь ты предупрежден и можешь спрятать его в другое место, – подмигиваю Даниелю. – Ответ «нет» не принимается, поскольку Владислав Кайрис – мой будущий отчим. Я могу рассказать ему, что ты пролез на его территорию и уркал имущество. Не знаю, как ты это сделал, но его очень заинтересует этот вопрос.

– Тебе очень нужны ключи, не так ли?

– Да.

– А что мне за это будет? Если я так легко отдам их? Валдислава Кайриса я не боюсь. Мой отец – адвокат, – а вот такого расклада событий я не могла предвидеть. Черт.

– Что хочешь. В пределах разумного, – продолжаю давить я, не собираясь сдаваться. Слить свои обещания я всегда успею.

– Поцелуй? – Даниэль запускает пятерню в мои волосы, перебирая их крупными пальцами. Я немного сжимаюсь, ощущая, что мне это неприятно. – Тебе уже показали, что такое испанский поцелуй? – ухмыляется Грасиа, и окружающие его парни, начинают зловеще гоготать в ответ на его провакационный вопрос.

– Ты будешь первым, – многообещающим тоном, отвечаю я, мягко касаясь его руки. Обещать – не значит сделать.

– Хорошо. Обними меня и забери ключи из заднего кар-

мана джинс, – Даниэль наклоняется ближе к моему лицу, обхватывая мою талию. – Встречаемся в доме через тридцать минут. Заберу свой поцелуй, – шепчет у моих губ, обдавая мое лицо теплом.

Алкоголь в крови позволяет мне с легкостью обнять Грасиа и забрать ключи из джинсовых брюк. Иногда – нужно прямо сказать о том, чего ты хочешь, вместо того, чтобы плясать с планом вокруг до около, который все равно обречен на провал. Сказать Даниэлю правду было лучшим стратегическим решением.

Уже через пять минут я направляюсь обратно, в сторону Алекса. Он все по-прежнему там, в окружении своих телок с формами, которые не упускают шанса потереться об него всеми выпуклыми местами. В тот момент, когда я приближаюсь к нему, одна из шлюх, как раз пытается засунуть ему язык в глотку. Меня передергивает от отвращения, когда я наблюдаю за этой картиной, поэтому с особым остервенением и злостью, швыряю связку ключей в его обнаженную грудную клетку.

– Получай, – предмет ударяется об его мышцы с звенящим стуком. – Отдай ее мне, – разрывая парочку, протягиваю руку, требуя у Алекса то, что полагается мне за выполненное задание. – Я тебе такое устрою, держись.

– КристАл, подними, – оскалившись, отдает сухой приказ одной из своих шлюх. Разгоряченная испанка явно недовольна таким раскладом вещей, но очевидно, настолько хо-

чет нравиться моему братцу, что не может его послушаться и молча выполняет то, что велено. Боже, неужели эти девушки не видят, как сами себя унижают?

Такое красивое имя – Кристал, а поведение – словно нашла себя на помойке.

Как только Алекс протягивает мне машинку, я тут же разворачиваюсь спиной к этому цирку и бегу в дом. Там мне предстоит встреча с Даниэлем, но я уже знаю, как отверчусь от поцелуя. Надеюсь, в холодильнике есть лук или что-то, что дурно пахнет...

С надеждой заглянув в холодильник, издаю разочарованный стон – полки пусты и стерильны, очевидно, Владислав не был готов к нашему приезду. А быть может, у поваров есть свой отдельный холодильник, забитый доверху, но мне о нем пока неизвестно.

– И где же ты перешла Алексу Крайсу дорогу, что он отправил тебя в мои лапы? – вздрагиваю, услышав знакомый голос. Оборачиваюсь на кухонный островок, покрытый серым мраморным покрытием и замечаю, как по ту сторону его остановился Дэниель.

Глава 3

Его мощная рука сгребает из ближайшей корзинки с фруктами красное яблоко. Он перекидывает его из одной руки в другую, попутно не сводя с меня сурового и сального взгляда.

– Наши родители скоро женятся. Может, он не хочет делить со мной всю эту роскошь. Боятся, что могу стать наследницей этого состояния, вот и ненавидит меня, – пожимаю плечами я, всерьез задумавшись о том, что это может быть правдой.

Иначе зачем Алексу так топить меня? Я совершенно не понимаю причин его ненависти и неприязни. Мы могли бы быть друзьями...судя по тому, как начинали в детстве.

– Он никогда не уделяет девушкам так много внимания. Я хорошо его знаю.

– Давай не будем о нем. Лучше о тебе, – пытаюсь перевести тему я, не в силах уже думать об Алексее.

– А что я? Я прекрасно знаю, как обращаться девушками, – Даниэль взмахивает волосами и с жадой впивается зубами и губами в яблоко. Нервно сглатываю, переживая за то, что он так демонстрирует то, что ждет меня, когда он меня поцелует. Не проходит и двух минут, как яблоко в его ладони превращается в обглоданный огрызок.

Еще чуть-чуть и моя нервозность станет заметна невоору-

женным взглядом.

– Спасибо, что так легко отдал ключи. Давай поцелуемся и будем квиты, – сдаюсь я, желая поскорее закончить этот день и убежать к себе в спальню. Денис это бы не одобрил...но я слишком пьяная, чтобы думать о морали. Мне просто хочется спать.

– Думаешь, мне будет достаточно одного поцелуя? – усмеяется Даниэль, огибая островок. Оказавшись возле меня, он касается кончиками пальцев тыльной стороны моей ладони. Пронзительно заглядывая мне в глаза, ведет ими вверх по моей руке.

– Думаю, если ты будешь меня трогать, тебе не светит даже поцелуй, – теперь я злая. Почему все испанцы или мужчины, выросшие здесь, так легко нарушают личные границы?

– А ты думала, я поглазеть на тебя пришел? Уже насмотрелся. На такие сиськи грех просто смотреть, их лизать надо, – рычит вдруг Даниэль, обхватывая меня за талию и резко прижимая к своему паху. Я кричу, прекрасно понимая, чем это может закончиться.

– Хватит меня трогать! Ты что делаешь? – визжу я, пытаюсь вырваться, но огромный парень уже всюю затыкает мне рот большой и потной ладонью. Желудок сдавливают спазмы, я мечтаю вытошнить вс на него.

– Не кричи так, тебе все очень понравится, обещаю. Трахнуть сводную сестричку Алекса – это то, о чем я даже мог и не мечтать, – гогочет Даниэль, и в следующее мгнове-

ние толкает меня в одну из крошечных и темных комнат.

Не сразу понимаю, что это и как мы здесь оказались, но судя по нескольким ведрам, что стоят в углу комнатки, это подсобное помещение.

– Не трогай меня! – кричу я, когда ублюдок резко разворачивает меня к стене, скрутив запястья на пояснице. Их жжет, как и мои щеки, беспощадно измазанные стекающими слезами.

Мне страшно. Потому что ни в каком из миров, такая крохотная «полторашка», как я, не способна противостоять здоровяку, в котором около ста килограммов мышц. Только я могу оказаться под угрозой насилия в свой первый же день пребывания в новой стране.

Дебильная Испания. Здесь все извращенцы. Тупые жеребцы, которым лишь бы использовать девушку.

– Заткнись, детка. И хватит ломаться, – обхватывая мою задницу, парень вжимается пахом между моих ягодиц, отчего меня всю передергивает от отвращения и ужаса. Я кричу, надрывая горло, но кретин затыкает мне рот половой тряпкой. Я не могу дышать, меня тошнит, я даже не чувствую его прикосновений, потому что тело будто блокирует чувственность.

Хочется вколоть себе львиную дозу наркоза и не ощущать его грубых лап на своем теле.

– Здесь все, кто светит сиськами, получает по заслугам. Ты же знаешь, что пока сучка не захочет, кобель не вскочит, –

аналог русской фразы на английском звучит нелепо, но примерно так.

В какой-то момент, я ощущаю, как он стягивает с меня шорты, чтобы добраться до трусиков, ягодиц, до сокровенного места, которое я берегу и оставляю девственным, Несмотря на то, что у меня есть парень. У нас с Денисом не было секса с проникновением, только ласки и петтинг, и сейчас, когда меня душат слезы и хватка насильника, я жалею о том, что не отдала свою невинность человеку, который этого заслуживает.

Сквозь слезы, тошноту и пожирающее изнутри унижение, я чувствую, как этот кусок дерьма трется своим стояком через джинсы об мои ягодицы. Запястья печет, я брыкаюсь и выворачиваюсь, пытаюсь ударить его в пах и по яйцам, навсегда лишив его способности производить на свет таких же больных дебилов. Подобных мужчин нужно кастрировать, и если случится непоправимое, я плюну в лицо этой безумной семейке и вернусь домой первым же рейсом.

– Если ты не будешь елозить, тебе понравится, – продолжает «утешать» насильник.

В момент, когда мое отчаяние доходит до пика, и я уже слышу, как звенит пряжка его ремня и мысленно готовлюсь к худшему.

Глава 4

Все резко прекращается, а голос Алекса звенит, словно меч, резко разрезающий воздух.

– Достаточно. Ей хватит, Даниэль.

Ублюдок резко останавливается и с явной неохотой выпускает меня из своих лап. Не ожидая подобного, я падаю вперед, едва не свалившись на какие-то склады ведер и тряпок. Осталось только пол подмести своими волосами, для еще большего унижения. Дрожащими руками я быстро натягиваю на себя пижамные шорты.

– Ты все это подстроил? – не могу поверить/

Алекс

Я должен ощущать триумф, сладость победы, восторг от того, что вижу ее униженной и жалкой. Но почему-то меня наоборот, переполняет злость и ярость, когда в полной мере осознаю, что Гарсиа прикасался к этой аппетитной, округлой заднице, хоть и принадлежащей девушке, которую я ненавижу больше всего на свете.

Часть меня отчаянно хочет погубить ее, выпить до дна, выпотрошить со всей ее этой напускной невинностью и святостью.

Огромная, неконтролируемая часть меня, хочет, чтобы

Марина Дивакова сдохла.

Но в отличии от некоторых, я не убийца.

Я не могу убить ее, но я могу сделать так, чтобы она умоляла о смерти, или самостоятельно покончила с жизнью.

Удивительный генофонд у нее и ее мамочки, по которой сохнет мой бессердечный отец. Интересно, из-за этой суки он изменял моей матери или блядство в его крови?

В который раз за вечер, я изучаю Марину плывущим взглядом, и не могу найти в ней внешних несовершенств: она прекрасна снаружи настолько же, насколько испорчена и гнила внутри.

Красивая и манящая, как русалка. Вся такая хрустальная, прозрачная, а внутри характер, как раскаленная сталь. Она как чертова сирена, заманивающая обезумевших от ее внешней красоты и мелодичного голоса, моряков, на свой борт. Прозвище «русалка» я подарил ей много лет назад – когда она покрасила свои волосы в розовый цвет тонирующим шампунем и заявила так на одну из вечеринок, которые устроили наши родители.

– Саш, хватит дергать меня за косички! – раздался ее нежный мягкий голосок в моих призрачных подростковых воспоминаниях. Я был влюблен в нее до одури, и производил на нее впечатление так, как умел.

– У тебя волосы розовые, – ответил тогда я. – Как их не трогать? Как у русалки...

– У русалочки красные волосы, – Марина тогда смутилась

и повела хрупким плечиком.

– Ты не русалочка из мультика, ты особенная. Ты – другая русалка, – зачарованно кричал во мне тупой малолетка. – Моя русалка.

– Скажешь тоже, – окончательно раскраснелась девчонка. – И почему я твоя русалка?

– Потому что я так решил.

Прошло пять лет с тех пор, как я видел ее в последний раз. И как назло, моя русалка стала лишь привлекательнее. Мать ее, да она просто ходячий секс: ангельские голубые глаза, и тело грешницы, с чувственными изгибами во всех самых желанных местах. Даже не прикасаясь к ней, я могу представить, насколько гладкая у Мари кожа, на которой завтра проявятся фиолетовые синяки от грубых действий и мертвой хватки Даниэля.

– Ты правда хотел, чтобы меня изнасиловал твой дружок? В первый же день моего пребывания в твоём доме? – удивительное сочетание ее губ в форме нежного бантика, из которых вырывается разъяренное шипение и откровенные ругательства на русском языке.

Черт возьми, я так мало говорю на родном языке в последнее время. Не помню, когда в последний раз у меня был секс на русском. Должен признать, меня триггерит звучание русского, возбуждает. Будоражит самые глубокие струны в моей душе, будто затрагивая не только реакции тела и базовые инстинкты.

– Ну, это же не твой первый раз. Едва ли это можно назвать насилием, если ты сама заявила на безумную и развратную вечеринку в полуголом виде, – заявляю я, намереваясь ударить Мари по больнее.

Марина с шумом выдыхает, сжимая кулаки, всем своим видом напоминая мне маленькую разозлившуюся мышку. В прыжке на меня она превращается в дикую разъярённую пуму и со всей дури толкает меня в грудь, упираясь в ключицы раскрытыми ладонями.

Я не чувствую боли, даже когда немного сдвигаюсь к стене и едва ли не ударяюсь затылком об уголок одного из шкафов. Еще чуть-чуть и сучка могла расшибить мне голову, но в целом, я понимаю, что заслужил подобную реакцию.

Мне нравится, как она реагирует. А ведь это только начало нашей игры. Возобновление хорошо забытого старого, если быть точнее.

Я сам не заметил, но Даниэль давно оставил нас тет-а-тет и с ним я разберусь позже. Марина убегает прочь из дома, наспех показав мне средний палец. Далеко она не убежит. Я еще не закончил с ней на сегодня.

Бросившись за ней, намереваюсь остановить бегунью. Отцу не понравится, если она сбежит из дома в первый же день своего пребывания в Испании, и мне необходимо обсудить с Мари некоторые моменты, которые помешают ей натворить глупости и обо всем донести своей мамочке.

Не глядя по сторонам, Марина буквально бросается на до-

рогу и даже не смотрит по сторонам. Вот идиотка. Кажется, мой план будет не долгим и мучительным, а быстрым и нелепым – если она вот так легко решит попрощаться с жизнью, это будет фиаско. Разрывающий скрип тормозов оглушает, рев мотора от байка догоняет следом. Я не сразу понимаю, что происходит за пределами забора нашего дома, но уско-ряю шаг, осознав, что Марина уже не бежит, а лежит на ас-фальте. Мари распласталась на дороге, словно подбитый зве-рек и я начинаю злиться, представляя, как повезу ее в гос-питаль.

Надеюсь, эта сумасбродная дурочка себе ничего не слома-ла. А того, кто пытался задавить ее, отъезжая с вечеринки, вычислю по камерам и лично переломая ребра.

– Жить надоело? – рявкаю я, быстро преодолевая рассто-яние между нами.

Глава 5

– Ты что на дорогу не смотришь?! – оценивающим взором разглядываю Мари, приподнятую над асфальтом на согнутых руках. Мой взгляд цепляется за округлую вздернутую кверху задницу, совершенно не прикрытую короткими белыми шортами. Так и хочется обхватить ее по бокам, встать сверху, навалиться бедрами отхлестать хорошенько по упругим полушариям.

Мне нужно перестать глазеть на нее, как на секс-объект, если я собираюсь сравнять ее с землей. Но пока это сложно.

– Алекс, ей нужна помощь, – до меня не сразу доходит смысл этой фразы. Честно говоря, слова Мари больше похожи на бред сумасшедшей, говорящей о себе в третьем лице.

Кому – ей?

– Что ты несешь? В последний раз спрашиваю: жить надоело? Ты же сама на дорогу кинулась.

– Со мной все в порядке, – дрожащим от слез голосом мямлит девушка. – Кто-то сбил ее, Саш. Ей нужна помощь, – тяжело выдохнув, Марина перекатывается на асфальте, открывая мне обзор на существо, которое прежде старательно закрывала собой.

Я слышу писк и жалобное мяуканье, вглядываясь в белую пушистую кошечку. Или кота. Одна из ее лап уродливо согнута, мягкая шерстка измазана кровью.

Душераздирающее зрелище для всех, у кого есть сердце. Но из достоверных источников известно, что лично у меня его нет.

«Саш», – единственное, что способно всколыхнуть окаменелую мышцу в моей груди. Только мама называла меня Сашей. А здесь, в Испании, я давно не слышу к себе подобного обращения.

Саша – это наивный мальчик, который отчаянно верил в чудо. И он похоронен вместе с пеплом и прахом Анны Кайрис.

– Не смей называть меня так, – наклонившись к Марине, грубо обхватываю заостренный подбородок девушки, заглядывая в испуганные голубые глаза. В них расцветают оттенки боли, а мне до безумия нравится это зрелище. Она смотрит на меня с ужасом, явно не понимая, как можно в такой ситуации думать не о кошке, а о том, как ко мне стоит обращаться, а как нет.

Но это, черт возьми, важно, и я не собираюсь позволять ей влиять на меня, используя то единственное светлое и прекрасное, что осталось во мне в виде воспоминаний о детстве.

– Алекс, она умрет. Слышишь, как плачет? – забыв, кажется, о том, что сама двадцать минут назад пережила дикий стресс, Марина самоотверженно гладит кошечку по здоровой лапке, пытаясь успокоить крошечное существо. – Я с тобой, лапонька. Я помогу тебе, я с тобой, милая. Какая же ты хорошенькая, девочка моя.

– Пошли уже домой. Оставь ее помирать тут. У моего отца аллергия на кошек.

– Как ты можешь быть таким ублюдком? – вспыхивает Марина, когда я небрежным жестом помогаю ей встать с асфальта. Она прижимает к груди кошку, совершенно не брезгуя кровью и тем, что у бездомной котейки наверняка вши и лишай. – Бездушное чудовище.

– Давай, продолжай своевольничать в том же духе. И точно не сможешь ей ничем помочь. До ближайшего госпиталя полчаса, и ты все равно не доберешься туда одна. К тому же это элитный район, и даже визит к врачу стоит огромных денег, которых у тебя, я полагаю, нет. И такси ты на наш холм просто так не вызовешь, – безжалостно добиваю Марину, разрушая ее надежды на спасательную операцию.

– Пошел к черту! – проклиная она и, крепче обнимая кошку, порывается идти вперед. Останавливаю Мари, хватая за ворот ночной рубашки.

– Куда собралась?

– Пешком пойду! Попутку поймаю!

– В таком виде? Хочешь, чтобы снова пристали и оттрахали во все дыры? – ее аж передергивает от моей грубости. – Это Испания, здесь много душевнобольных по ночам гуляют. Извращенцев и педофилов везде хватает.

– У вас же район для богатых! Богатых и бездушных идиотов, возомнивших себя Богами. Что вы за боги такие, раз беззащитному существу оказать помощь не можете?

Я бы сказал, что она ничем не отличается от меня, учитывая ее прошлое и проступок стервы-матери, гены и характер которой у нее в крови, но промолчу.

– Хочешь помогать всем кошкам подряд – проваливай, – достаю сигарету и подношу ее к зажигалке, равнодушно оценивая Марину, прижимающую к себе дрожащего котенка. Картина маслом, мать их. Аж бесят своей беспомощностью и жалобностью. Потому что мне приходится бороться с совестью, и мне не нравится, что подобное чувство подает во мне признаки жизни.

– Что мне сделать, чтобы ты помог ей? – очевидно, плюнув на свою гордость, Марина наступает себе на горло ради бездомной кошки и с надеждой заглядывает мне в глаза. Черт, и как ей отказать? – Давай лишь на вечер отбросим все наши игры и просто поможем животному. Пожалуйста.

– Хоть на колени падай, не помогу, – рычу я, словив себя на мысли, что мне трудно ей отказать. Сложно. Докурю сейчас и назад к девчонкам вернусь. Накурюсь травы и выебу кого-нибудь. С глаз долой, из мыслей вон. А она пусть подыкает здесь с больной кошкой раньше времени.

Моей матери никто не помог. Она умерла в ужасных муках, но совсем их не заслужила. И я не обязан... помогать. Если каждой больной кошке помогать, никакого времени и нервов не хватит.

– Она умрет, Саш, – жалобно шепчет Марина, тихо всхлипывая. – Ей нужно помочь.

– Я все сказал, – ставлю точку и бросаю на нее пренебрежительный взгляд вместе с окурком от сигареты. Прямо ей под ноги.

Марина

Захлебываюсь беззвучными слезами, прижимая к себе маленькую пушистую крошку. Бедняга дрожит в моих ладонях, жалобно плачет и мяукает, истекая кровью. На открытй перелом не очень похоже, но кажется, у нее порвалось ушко. Мне страшно, что я держу ее как-то неправильно и еще сильнее могу сломать ей лапу или ребра. Но бросить ее здесь, на асфальте, я не могу. Нужно позвонить маме, но она даже не отвечает на мои сообщения.

А с Кайриса и взять нечего. Бессердечный недоумок. У меня даже слов нет, чтобы выразить свою злость в его сторону. Хочется пожелать ему вот так с переломанной рукой на дороге остаться. Посмотрела бы я на его «павлиний хвост», будь он на грани смерти или потери конечности. А с его страстью к мотоциклам, такое может случиться в любой момент.

Окурок сигареты, что он небрежно бросил к нашим ногам и свалил, расплывается перед глазами. Я понимаю, что нужно действовать, а не стоять и рыдать, но в то же время теряюсь от своей беспомощности и потерянности, связанной с тем, что нахожусь в чужой стране.

В тот самый момент, когда я начинаю ловить попутки и выставляю руку вперед, надеясь словить равнодушного человека, что доведет меня до госпиталя, вздрагиваю от зве-

риных звуков очередного мотобайка. Извиняюсь, моторчик у него такой лютый, что орет на всю питерскую. Раздражительный звук еще больше вгоняет в стресс крошечное животное, плачущее у моей груди.

Как только рядом со мной тормозит машина, и я ужерываюсь обратиться к водителю на испанском, Саша резко подъезжает на байке и тормозит между мной и авто. Снимает с себя шлем и протягивает его мне, вздергивая бровь:

– Садись и поехали, – бескомпромиссный тон его голоса пускает сотни ледяных иголок по моему позвоночнику.

Дорогие мои, мне важен и ценен, каждый ваш комментарий, звездочка, отзыв.

Благодарю за то, что начали проживать историю вместе со мной.

Поверьте, впереди нас ждет много интересного : Саша и Марина 1000 раз раскроются для вас с разных сторон :)

Глава 6

– Садись и поехали, – бескомпромиссный тон его голоса пускает сотни ледяных иголок по моему позвоночнику.

– Не надо делать мне одолжение, – рычу я, проклиная его за подобные эмоциональные качели.

– Садись, сказал. Спорить будешь еще? – надменный тон убивает, но остановившийся на тачке испанец не внушает мне большего доверия, чем будущий сводный брат.

– Я никуда с тобой не поеду. Тем более на мотоцикле с котенком. Вали, куда шел.

– Будешь сопротивляться, я заберу твою чертову кошку и поеду один, – бескомпромиссно ставит точку в дискуссии Саша.

– Ты пьян, – мой последний аргумент.

– Нет, я пил только пиво. Садись, я сказал! – звереет окончательно Саша, надевая мне на голову свой шлем, полностью закрывающий челюсть и зону подбородка.

– Ее надо везти аккуратно, – вслух рассуждаю я, пряча кошечку за ворот своей рубашки. К счастью, она спокойна и неподвижна, и я надеюсь, что проблем по пути не возникнет.

– Перекидывай ногу и садись поудобнее, – четко выполняю указания Саши, стараясь сесть подальше от него.

– Хочешь назад улететь? Мы помчим быстро, – предупреждает он, газуя, что есть мочи. – Обхвати меня покрепче.

– Обязательно? Здесь есть за что держаться, – цепляюсь за небольшой поручень, расположенный сзади.

Не предупредив меня, он дергается с места, и в эту же секунду я ощущаю, как меня резко тянет назад. С такой силой, что я едва держусь на байке, и тут же инстинктивно прижимаюсь к Саше, обхватывая его за торс свободной от кошки рукой.

– Крепче! – настаивает он, заставляя меня буквально припечатать ладонь к его твердому прессу. Он до сих пор в одних лишь джинсах и расстёгнутой рубашке, и, если честно, я умираю от эмоций, прикасаясь к его разгоряченной и обнаженной коже.

Это слишком странно. Неправильно по всем параметрам: у меня есть парень, он фактически мой сводный брат, которого я ненавижу.

Мне все это очень не нравится.

Но я стараюсь переключиться на мысли о незащитном существе, жалобно мяукающем у меня на груди. Сколько их тут таких? Сбитых, подбитых, истекающих кровью, сносно терпящих загнивающие раны? Я знаю, многие кошечки сами норовят броситься под колеса водителям, но не понимаю, когда те равнодушно проезжают мимо, не собираясь тратить и секунды своего драгоценного времени, чтобы искупить вину.

Наверняка, кошечку придавил кто-то из безумных гостей Алекса. Удивительно, что мой бессердечный братец все же

сжалился над Мисой и снизошел до того, чтоб отвести нас в госпиталь.

Я назову ее Миса. Ей очень подходит это нежное и щеко-
чущее язык имя.

Сама не замечаю, как привыкаю к скорости, с которой несется вперед Алекс. Пару раз мое сердце падает вниз, когда мы стремительно вылетаем на встречу, обгоняя машины, что относительно нас передвигаются со скоростью ленивых черепах. Кайрис водит настолько уверенно и умело, лавируя между другими байками и тачками, что я начинаю ему доверять, сливаясь с ним, превращаясь в единое целое. Чувство полета, что дарит езда на мотоцикле, ни с чем не спутать.

Адреналин закипает в крови, за спиной вырастают крылья, ну а если закрыть глаза – можно вообще раствориться во времени и пространстве. И я так и делаю, крепче сжимая его торс, на что Алекс реагирует волнующим ревом мотора.

Тормозим мы также резко, как и тронулись, поднимая небольшой столб пыли вокруг себя.

– Очевидно, ты не привык ездить с пассажирами, – спешу уколоть его я. – Вез меня, словно мешок с картошкой.

– Eres un grano en el culo, ¿lo sabías? (перевод с испанского: Ты настоящая заноза в заднице, знаешь?) – он тараторит слишком быстро, и я не понимаю значение этой фразы дословно, но его недовольное выражение лица говорит куда красноречивее любого фразеологизма.

– Давай без уроков испанского. Я приехала, чтобы ты здесь не забыл русский.

– Ты приехала, чтобы бесить меня одним своим присутствием и вляпываться во всякое дерьмо.

– Вообще-то это из-за тебя меня чуть не изнасиловали, – стиснув зубы, злюсь я.

– Я тебе уже все сказал. Это Испания, и к сексу здесь относятся очень легко. У Даниэля были четкие указания, и он не причинил бы тебе вреда. А вот в следующий раз к тебе может пристать кто-то со стороны, и это уже будет проблема, – заявляет Алекс. – Таковую фигуру здесь надо в парандже прятать, чтобы не лапали.

– А тебе то что? Пусть пристают.

– Не хочу, чтобы ты померла от действий насильника раньше времени, – с угрозой шипит Алекс, заправляя выбившуюся прядь моих волос за ухо. Какого черта он меня трогает или заставляет себя трогать? – Я хочу, чтобы ты задышалась медленно, словно выброшенная на берег русалка.

Его взгляд по-настоящему пугает меня: в каре-зеленых глазах разрастается ненависть, словно он желает мне мучительной смерти.

– За что ты так ненавидишь меня, Алекс? Зачем вести нелепую игру? Может просто... поговорим?

– Не до разговора сейчас. Пойдем спасать твоего зверька, раз уж приехали.

– Ее Миса зовут, – поправляю я, и кошка мурлычет, явно

радуясь тому факту, что теперь у нее есть имя.

Время в госпитале летит медленно. Алекс бегло разговаривает со всеми сотрудниками, кошку у меня забирают, и я понимаю, что нужно просто ждать. Надеюсь, ее залатают и позволят забрать к себе. Я ее выхожу, буду заботиться о ней, пока она не станет счастливой, упитанной и здоровой булочкой.

Саша не обращает на меня никакого внимания и сидит в телефоне, пока я заламываю пальцы, переживаю за Мису. Украдкой наблюдаю за ним: сосредоточенное выражение лица, закрытая поза, при этом расправленные и широкие плечи... В такие моменты Алекс выглядит как взрослый, деловой мужчина, решающий серьезные вопросы в своем гаджете. Он всего на два года старше меня, но на вид можно дать двадцать пять.

А я все думаю о том, почему он помог мне и Мисе, почему заплатил огромные деньги в регистратуре за лечение бездомной кошки. Как в этом человеке может помещаться столько дерьма и грязи, перемешанных с добротой и сочувствием?

Неужели в нем осталось что-то светлое?

Через два часа мучений, скитаний по больнице и ожидания, Мису возвращают мне в переноске. Врач уверяет нас в том, что мы обратились за помощью вовремя: ей подправили перелом со смещением, наложили гипс, и теперь кости срастутся правильно. Также ей обработали лишай, прописа-

ли необходимые лекарства и обезболивающие и сделали все необходимые процедуры.

– Я думал, можно оставить эту кошку вам. Вы заберете ее в приют или вроде того.

– Простите, сэр. Мы подумали, это ваша кошка, – когда они бегло говорят на испанском, я понимаю все лишь в общих чертах.

Я занималась испанским языком два года после того, как стала фанаткой испанских сериалов, но потом забросила это дело. Довольно легкий язык, и я думаю, что через пару месяцев я смогу поддержать любой разговор.

– Моя! Это моя кошка! – кричу я, и ветеринар, судя по выражению его лица, умиляется тому, как я говорю на испанском.

– Простите, моя смена заканчивается. Все процедуры выполнены, и вы можете ехать домой. Покажитесь нам через пять дней.

Доктор удаляется в противоположную сторону по коридору, а я ловлю на себе испепеляющий взгляд Александра.

– У моего отца очень сильная аллергия на кошек. Ты не можешь взять ее с собой.

– Мы в ответе за тех, кого приручили. Я ее не отпущу, – настаиваю я.

– Черт с тобой, делай что хочешь, – устало возводит глаза к небу. – Зря я за это взялся, конечно, но будешь должна. Я вам такси вызову, с переноской на мотоцикле стремно.

– Почему ты помог мне? Сначала ты был так категоричен, – я фактически готова протянуть ему ветвь перемирия. Забыть о сегодняшнем инциденте и начать все с чистого листа.

– Я на врача учусь. Не на ветеринара, но все же, – ухмыляется Саша. – Если я планирую спасти жизни, то нужно начинать с малого.

– И на какого врача?

– Нейрохирург или онколог. Пока не определился с профилем, это будет через год.

– Так странно: ты водишь байк, закатываешь шумные вечеринки. Ты же адреналиновый наркоман. Твой образ с врачом никак не вяжется. Твое желание стать онкологом связано с тем, что твоя мама умерла от рака? – судя по реакции Алекса, этим вопросом я просто окончательно распарываю ему вены.

Я сама не замечаю, как это происходит, но в следующее мгновение переноска выпадает из моих рук. Под аккомпанемент писка Мисы, Алекс впечатывает меня в ближайшую стену, плотно обхватив мое горло сильной ладонью.

– Не смей лезть мне в душу, – бросает взгляд в сторону и возвращает его мне, слегка сжимая пальцами шею. – Не смей совать нос туда, куда не следует, – удушливая паника за передавленную сонную артерию поднимает тревожность в моей крови до критической отметки.

Глава 7

– Как же мне не совать, – надавив на его запястье, заставляю его ослабить хватку. – Я вообще не планировала с тобой общаться, – давась тугим кашлем, защищаюсь я. – Ты сам снова начал нашу игру. Будь готов к тому, что ты тоже мне будешь проигрывать.

– Не терпится посмотреть на то, что ты мне приготовила. Сомневаюсь, что ты осмелишься на что-то, что поразит меня. И доставит какой-либо дискомфорт. У тебя есть ровно три дня, чтобы дать мне задание. Иначе я заберу Porsche и ты пропустишь свой шанс хоть как-то на мне отыграться.

– И сколько ты намерен меня мучать?

– Столько, сколько потребуется. Пока мне не надоест, – в карих глазах вспыхивает ядовитое зеленое пламя. – Есть хорошая новость: твоя очередь меня мучать. Не так ли, Мари?

– Мне это не нужно. Если честно, я хочу домой, в Россию. И кошку бы с собой забрала, – когда он отпускает меня, я сразу кидаюсь к переноске, чтобы убедиться в том, что Миса в порядке.

– А может хватит быть такой тряпкой? Разозлились! Покажи себя, – науськивает меня Алекс.

– Зачем тебе это? Что такого я тебе сделала? – взмахнув руками, в последний раз пытаюсь найти ответ на мучительную загадку.

– Еще раз задашь этот вопрос, и будет хуже, – он вновь обхватывает мое горло. Уже нежнее, ласковее. Так, словно хочет поцеловать. Его губы так близко, и я, наконец, замечаю, насколько они полные, красивые, чувственные. Такой мерзавец не имеет права носить такие губы на своем лице.

Дьявольская привлекательность Александра Кайриса убивает меня, потому что... если бы я увидела его в театре или в спортивном зале, или даже на улице – я без всяких сомнений бы влюбилась в него с первого взгляда.

Мудаки всегда нравятся хорошим девочкам. А если это еще и красивый мудака – то проще сразу повеситься, чем играть с ним в «горячо-холодно» и «ближе-дальше».

Но мы с Сашей не остановимся, пока он, очевидно, не повзрослеет. Или пока я честно не признаюсь в том, что надедала в прошлом, и перестану бежать от этого.

Мудаки всегда нравятся хорошим девочкам. А если это еще и красивый мудака – то проще сразу повеситься, чем играть с ним в «горячо-холодно» и «ближе-дальше».

Но мы с Сашей не остановимся, пока он не повзрослеет, очевидно. Или пока я честно не признаюсь в том, что надедала в прошлом, и перестану бежать от этого.

ГЛАВА 2

Алекс

Я просыпаюсь от ярких лучей солнца, отчетливо пробирающихся сквозь щель, образующуюся из-за не до конца сомкнутых портьер. Горло сушит, голова раскалывается,

несмотря на то, что напиться я вчера не успел из-за того, что провозился с Мари и ее несчастной кошкой, и, если честно, до сих пор не понимаю, какого хрена я потратил на это все несколько часов своей жизни и отвалил пять тысяч долларов.

Их я заработал сам, поскольку в последнее время стараюсь не трогать деньги отца. Пока это сложно, но моя цель – постепенно слезть с «иглы» его денег любой ценой. День, когда я переплюну его по бабкам и перестану нуждаться в средствах Владислава Кайриса, при этом приду к высокому уровню жизни самостоятельно, без его помощи, – станет лучшим днем в моей жизни и будет выделен красным в календаре. Выбрав карьеру врача, я максимально отдалил от себя этот день, но честно говоря, мне похер, если однажды я проснусь с осознанием того, что спасаю жизни людей и несу хоть какую-то пользу своим существованием.

Не будь у меня такой амбициозной и энергозатратной цели, я бы сжег свою жизнь за ближайшие пару лет: просадил бы деньги отца, трахал бы лучших шлюх во всех точках мира, объездил бы планету за восемьдесят дней и в итоге разбился бы на мотоцикле черт знает где.

Хотя признаюсь, я давно не знаю, где мой дом. Во мне смешались два менталитета, две субличности, которые постоянно конфликтующие друг с другом: одна из них все время стремится к дозе адреналина, вторая – жаждет спокойствия, умиротворения, структурности, четкости и порядка.

Мой терапевт говорит, что для моего возраста это нор-

мально, и мне хочется верить, что к двадцати пяти я перестану творить херню и стану серьезным человеком и уважаемым врачом, ну а пока... пока мне девятнадцать, я буду кайфовать от этой глупой и доступной соски, что уже десять минут щекочет мою грудь своими волосами, забравшись на меня сверху.

– Поработай ртом, у меня утренний стояк, малышка, – прикрыв веки, хватаю Кристал за густые волосы, направляя ее рабочие губы к своему паху. Болезненное напряжение, сконцентрированное ниже пояса, заставляет меня представлять, как я трахаю ее до самого упора, не церемонясь с ее хвостом и горлом.

– Какой ты грубый, Алекс, – она пытается сопротивляться, но мы оба знаем, как быстро она затыкается, когда я заталкиваю ей за щеку. От этого она течет еще сильнее, возбуждаясь от унижения и ощущения моей власти.

Мне нравится, когда девушка выполняет все, что я хочу. Это удобно, приятно, предсказуемо. Иногда хочется чего-то другого, конечно. Когда у девушки нет границ и правил, играть с ней становится скучно. Она превращается в тело для секса, не имеющее личности и характера.

Но, как я уже сказал, это безумно удобно и лучше, чем смотреть порно. Хочется чего-то большего и настоящего... но на утренний стояк и эта кукла сойдет.

– Да, вот так. Интенсивнее, но нежнее, – раздаю указания ей, пытаюсь сконцентрироваться на ощущениях. Кри-

стал старается, обхватывает меня глубоко и плотно, но двигает головой слишком быстро. Мозг не успевает обрабатывать этот дерзкий вакуумный отсос.

– Нежнее, детка. Резко я тебя чуть позже трахну.

Опуская взгляд на свои бедра, я внимательно разглядываю то, как ее губы обхватывают мой член. Он едва помещается у нее во рту, но Кристал пытается вместить как можно больше, и должен признать, получается неплохо. Она давится, издавая пошлые звуки, и мой взор цепляется за красивую попку, виляющую в процессе выполнения минета, словно напрашиваясь на то, чтобы после ее невероятных усилий я вошел в нее и как можно скорее.

– Да, это пиздец, – выдыхаю я сдавленно и закрываю глаза, представляя перед внутренним взором другую красивую задницу, на которую вынужден был пялиться вчера целый вечер. К моему сожалению, Мари не выросла страшненькой, как бы сильно мне этого ни хотелось. Она всегда была невероятно красивой девочкой, но сейчас – расцвела в полную силу, словно редкий цветок.

И только я знаю, насколько сильно ядовитым может быть этот бутон.

Представляя чувственные изгибы своей русалки, я сильнее сжимаю пятерней волосы той, что пытается поразить меня глубоким горловым минетом, но от этого не приобретает ценность в моих глазах. Ощущая, как Кристал наглаживает мои яйца, при этом засасывает член, словно пылесос, я

переношусь во вчерашний день, вспоминая, как Мари крепко прижала ладони к моему прессу. Как дрожали ее бедра, когда мы летели вперед, рассекая пространство и время. Я ненавижу сам факт ее существования, что еще сильнее усугубляет эту нездоровую одержимость, сдавливающую не только член, но и грудную клетку.

Толкаясь вперед, в глубину рта другой девушки, я, наконец, взрываюсь в теплом отверстии, прижимая к бедрам голову измученной девушки.

– Зачем ты так со мной?

Глава 8

– Зачем ты так со мной? – в глазах подружки на ночь блещут слезы, она аккуратно стирает пальцами семя, стекающее по ее губам. Ощущение ненавязчивой эйфории после оргазма сменяется всепоглощающей пустотой. Тело Кристал после испытанного оргазма уже не кажется мне сексуальным и возбуждающим, и все, чего я хочу, – скорее избавиться от нее и остаться наедине с собой.

В тишине, в покое, в ресурсе, мать вашу.

– Ищи ответ в своем поведении, детка. Ты же со всей «вершущей» колледжа спишь, чтобы заслужить внимание, – ленивым жестом бросаю в нее пачку влажных салфеток, пытаюсь выдавить из себя благородство и чуть больше, чем ленивая снисходительность и потребительское отношение.

– Сегодня ты был особенно груб. Что с тобой? – Крис пытается выяснить правду, которую ей лучше не знать, чем вызывает во мне лишь большее раздражение и нервозность. Даже покаяться не даст после секса и покурить в тишине. – Я не хочу спать со всеми и не буду, Алекс... просто скажи, что ты мой. Просто поставь точку, не отпускай меня, – романтично мямлит Кристал, прикасаясь к моим пальцам. Ее губы до сих пор в моей сперме, она пытается взять меня за руку, забраться сверху и проникновенно заглянуть в глаза, но это так чертовски отталкивает, что меня буквально тря-

сет от отвращения.

Мой психотерапевт утверждает, что у меня тревожно-избегающий тип привязанности, и, судя по тому, как я реагирую на близость, он мне не лжет.

– Я никогда и никому не скажу подобного. Насмешила, – меня забавляет ее наивность.

«Твой»? Еще чего.

– Я ничей и никогда чьим-то не буду.

– Тогда зачем вчера ты наплел мне, что хочешь меня? Меня одну? Или ты забыл, что ты вчера говорил для того, чтобы я оказалась в твоей постели? Что молчишь?! – пытается меня Крис, пока я курю не вставая с кровати и пялюсь в одну точку.

– Ты ублюдок, ты просто используешь меня, – всхлипывает девушка, хотя сама вчера легла в мою постель, сама с утра на меня залезла сверху и сама согласилась сделать мне утренний минет. Что я вчера ей наплел, я уже не помню. Мне необходимо было снять стресс, накопленный от контакта с девчонкой, к которой я испытываю такой спектр противоположных эмоций, что сам не могу их проанализировать.

Я думал, что ненавижу ее. Что все, чего я хочу, это видеть ее мертвой. Но стоило ей появиться на пороге моего дома, как все мои мысли мгновенно пошатнулись к совершенно другому вектору.

А это был лишь первый вечер после пяти лет разлуки. Что будет дальше? Меня пугает то, что Мари во мне будит, и мне

бы хотелось как можно быстрее расправиться с ней и ее мамашей. Но Агата неприкосновенна и все время под крылом отца, поэтому пока я плотно занимаюсь ее дочерью.

– Продолжай, детка. Мне нравится. Скажи, какой я бессердечный мудак, – от души зеваю, проверяя в телефоне почту.

– Ты – хуже! – встав с постели, она быстро натягивает юбку на свою задницу, уже не вызывающую у меня интерес. – Ты никогда не станешь врачом, Алекс. У тебя совсем нет эмпатии, сочувствия, сострадания... в тебе нет ни одного качества, присущего хорошему доктору.

Ага, поэтому вчера три часа с бездомной кошкой возился. Именно потому, что эмпатии во мне нет. Ни капли, ни грамма.

– Отличные качества для хладнокровного доктора, способного четко выполнять свою работу, а не распускать нюни над пациентом, – парирую я, и Кристал кидает в меня подушку, но я успеваю поймать ее прямо перед своим носом.

Я резко выключаюсь из разговора с Крис, поскольку мой телефон начинает разрываться от трека, что стоит у меня на звонке от отца. Я знаю, что он собирается отчитать меня за вчерашнюю вечеринку, но в целом он к ним привык и позволяет мне их устраивать. Хотя вчера я на всякий случай отключил камеры в саду и дома, потому что кутили мы жестче обычного.

– Спишь? – рывкает разъярённый отец, когда я подношу телефон к уху. – Немедленно спустись в гараж, – беспрекословным тоном раздает указания он. Выругавшись матом, я выпроваживаю Кристал и быстро натягиваю футболку и джинсы, чтобы явиться царю на поклон.

Кланяться, конечно, не собираюсь, но его душноту потерпеть придется.

– Как ты мне это объяснишь? – как только я захожу в просторный гараж, где хранятся два моих мотоцикла и три автомобиля отца, я понимаю причину его агрессии.

Для Владислава Кайриса гараж – это святая святых, его место силы. Он олицетворяет любовь отца к роскоши и изысканности, отражает его власть и сколоченное состояние. Под светом потолочных прожекторов сияют его тачки, намытые до блеска драгоценных камней. Повсюду ощущается запах свежей кожи и масла, и, если честно, я и сам фанатею от этих ароматов и мечтаю заехать в этот гараж на Porsche, купленным на свои деньги.

Первая тачка, на которую падает мой взгляд, – мощный Bentley Continental GT, ее изящные линии и благородный шоколадный оттенок вызывают восхищение, а характерный рев двигателя привлекает всех девчонок в округе, когда я беру эту машину в прокат у отца, несмотря на то, что она принадлежала матери. Она ни разу не прокатилась на ней за рулем, потому что уже была не в силах этого делать.

Второй «зверь» в его автопарке – изысканный Rolls-Royce

Phantom, воплощение роскоши и утонченности.

Среди всей этой роскоши и красоты в глаза бросается яркое пятно – разбитое лобовое стекло Lamborghini Aventador, прежде полноценный символ скорости и азарта. Дефект, словно открытая рана, нарушает гармонию и роскошь обстановки отцовской святыни.

Цепенею на мгновение, кроссовки прилипают к полу, утопающему в осколках битого стекла. Лобовое окно любимой тачки отца раздроблено в щепки, машина явно нуждается в дорогостоящем ремонте. Мне конец. Я прекрасно знаю, что Владислав Кайрис ненавидит подобные непредвиденные и глупые расходы, связанные со мной.

Наверное, мне стоит порадоваться тому, что разбита не мамина тачка. Тогда бы не только отец, но и я был бы в гневе.

– Как ты мне это объяснишь? – произносит Влад вкрадчиво и негромко, но лучше бы он кричал. Он всегда так делает. Говорит тихо, а смотрит при этом, как на пустое место и ничтожество. Все потому что я – главный «бизнес проект» в его жизни разочаровал его.

Не опять, а снова.

В последнее время мой отец помолодел на 15 лет – с тех самых пор, как объявил мне о том, что оплакал тело матери и готов строить новую личную жизнь с расчетом на то, что не хочет одинокую старость. Думаю, они с его ненаглядной Агатой планируют совместных детей в будущем... Не знаю почему, но меня это дико злит, и далеко не только потому,

что я не хочу, чтобы у меня были младший брат и сестра.

Общий кровный родственник с Мариной... учитывая мои утренние фантазии о ней во время орального секса с другой девушкой, это стремно.

Пытаюсь отбросить все развратные картинки с Мари, что разлетаются в моей голове роем пчел, облепивших мед. И не прогнать никак, блин. Нездоровая одержимость Мариной нарастает с каждой секундой, и я уже не уверен, чего желаю больше – видеть ее мертвой или видеть ее голой подо мной. Обнаженной, уязвимой, незащитной.

Радует одно: в двух вариантах ее жизнь находится в моих руках. И дойдя до последней точки, доведя ее до края обрыва, только я решу: скинуть ее в бездну или помиловать.

– Эм. А что объясняют камеры?

– Камеры в гараже и саду были отключены. Два дня, – белки его глаз мгновенно краснеют, желваки под скулами превращаются в пульсирующие бугры, демонстрирующие едва сдерживаемый гнев. – А камеры у забора явно работали, но почему-то записи с них стерты, – Владислав пронизывает меня пытливым взглядом типичного Шерлока, хотя тут и без полета дедукции все очевидно.

Я устроил вечеринку. Дом был напичкан моими друзьями и знакомыми. Ответственность за разбитую тачку полностью лежит на мне.

– Ты же знаешь, Алекс, мне ничего не стоит восстановить машину, вернуть ей первоначальный вид, – изрекает Влад,

всем своим видом демонстрируя, что это не так. Это стоит ему его нервов и глубокого разочарования во мне, к тому же в связи с тем, что предстоящая свадьба таит в себе много затрат, подобный ремонт совсем не кстати. – Но если я снова спущу тебе это с рук, ты так ничего и не уяснишь, не возьмешься за голову. У тебя есть варианты, кто именно это сделал? Мы заявим в полицию, страховка возместит убытки. Просто назови мне фамилию и имя, – немного смягчает тон Влад.

Моему отцу, как и мне, свойственны перемены в настроении. Горько осознавать, но мы с ним очень похожи: в отношении к женщинам, в одержимости к тачкам и другим средствам передвижения, к нездоровой тяге к большим деньгам. Не говоря уже о том, что внешне мы являемся полным отражением друг друга.

– Это была тихая и спокойная вечеринка, пап. Никому из моих друзей в голову не придет заниматься этим дерьмом, – выразительно посматриваю в сторону раздробленного стекла. – К тому же гараж открывается только изнутри дома. Возможно, тебя ненавидит кто-то из прислуги. Платишь им мало, вот и выпустили пар.

– Поверить не могу, что ты хочешь обвинить в этом людей, вцепившихся в свои рабочие места, – отец прикладывает два пальца к вискам, словно пытается унять их бешеную пульсацию. – Что еще скажешь в свое оправдание?

– Внутри дома находились только я, персонал и Марина, –

усмехаюсь я. – Она и ее мать доставят нам много проблем. Все еще не могу поверить, что ты действительно женишься на ней. Это плевок в могилу мамы, – сжимаю кулаки до такой нестерпимой боли, что жжет кожу. Если драка неизбежна, то я ударю его первым. Не физически, нет – этого я не смогу себе позволить, как бы сильно ни хотел.

Но ментальный удар пришелся ему прямо в область сердца.

– Поговори у меня тут, – стиснув зубы, Влад резко подходит ближе. Карие глаза Кайриса старшего сворачиваются в черные дыры, засасывающие меня в свой беспощадный омут. Отец сатанеет от моего смелого заявления и, не выдержав напряжения, я на мгновение опускаю взгляд в пол.

Не потому, что не могу смотреть ему в глаза, нет.

Потому что стало дурно от воспоминаний о маме. И следом все тело охватывает дикое и жгучее ощущение несправедливости происходящего. Внезапно мой взгляд цепляется за женскую сережку, блеснувшую среди битого стекла. Черт. Удивительно, но моя наспех вырвавшаяся фраза оказалась правдивой. Уверен, что видел вчера эту сережку в виде клевера, покрытого белой эмалью, в ухе Марины.

Сучка так разозлилась, что я помог ей с несчастным котиком, что решила отомстить мне таким образом? Возможно, она спалила в социальных сетях мои фотки на этой тачке и подумала, что я владелец авто. Тогда она что-то определенно попутала. В нашей игре есть правила, беспредел в их список

НЕ ВХОДИТ.

Глава 9

– Кто из твоих друзей заходил прямо в дом? – цедит Влад, и я фактически вижу, как из его ушей валит иллюзорный пар. Очевидно, ему мало просто наказать меня. Отец хочет закатать в асфальт того идиота, что посмел нанести ему личное оскорбление.

Да только вряд ли он способен причинить вред дочери своей невесты, даже если это она по своей великой дурости устроила такую истерику и испоганила дорогую тачку.

– Это я сделал, – киваю в сторону разбитого лобового. – Напился и проспорил другу. Я мог отделаться, но был на кураже, а потом все как в тумане, – мечтаю быстрее закрыть этот разговор и вернуться в спальню. Даже к надоедливой Крис я бы вернулся сейчас с огромным удовольствием.

Вместо словесного ответа от отца мне прилетает хлесткая пощечина. Выдерживаю удар достойно, лишь едва поведя головой и бровью.

– Твоя мать была бы в ужасе от того, в кого ты превратился, – рычит отец, смерив меня ледяным взглядом.

Я готов броситься на него с кулаками и разорвать его грязный рот.

– Она в ужасе от того, что ты трахаешь ее подругу, которая...

– Не смей так говорить об Агате, – пресекает отец, пря-

ча руки в карманы брюк. – И держись подальше от Марины. Мне не нравится, как ты на нее смотришь. Видел, как ты пялился в окно, пока они шли к нам по подъездной дорожке. Думаешь, мне незнаком этот взгляд? Тебе пора завязывать с одержимостями и зависимостями, сынок, – мой отец виртуозно подает двойные послания. Сначала может вмазать, а потом бросить дружелюбное «сынок».

– И как я буду держаться от нее подальше, если ты отправишь ее в мой колледж?

– В SEK одно из лучших образований в Испании. Моя будущая дочь получит все самое лучшее. Поэтому даже не думай о том, что прикоснешься к ней. Она – твоя сестра, Алекс. Сестра, а не предмет одержимости. Ты это понял?

– А если не понял, то что ты мне сделаешь? – ухмыляюсь я, думая лишь о том, что Мари не моя сестра, а оружие мести.

– Если хоть один волос упадет с Марины или с Агаты, я лишу тебя наследства. Твое желание стать врачом – дело похвальное, сын. Я понимаю, почему ты выбрал именно эту профессию. Ты был очень привязан к матери, и ты до сих пор пытаешься сублимировать боль от резкой утраты. Но я по-прежнему настаиваю на том, чтобы ты подумал и занялся моим бизнесом. Куда мне все это девать после моей смерти? Если некому будет продолжать то, что я накопил и создал? Я бы хотел, чтобы мой бизнес процветал на несколько поколений вперед, а я стоял у его истоков, как часть огромной истории.

– Ты сам себя слышишь? Угрожаешь тем, что лишишь меня наследства. А потом просишь продолжить твоё дело, твой бизнес. Ты уж определись, – пытаюсь достучаться до отца, но это невозможно. Он во всем видит холодный расчет, ему абсолютно похер на чьи-либо чувства. Он только над своей Агатой трясется и то обнимает ее через силу и ледяной слой – такой человек, и я весь в него, к сожалению. Мы оба непробиваемые и ненормальные манипуляторы, знающие чего хотят и меняющие свое взрывное поведение несколько раз за день. Только я пока оправдываю свой характер юношеским максимализмом, а вот мой отец в сорок два года остается богатым ребенком.

– Мне девятнадцать, я еще в поиске себя. Но мысль о том, что я буду заниматься тем, что мне интересно, приносить пользу людям и не зависеть от тебя и от твоего долбаного наследства, меня радует.

– Долбаного наследства? – цокнув языком, повторяет отец. – Ты мне обязан всем, что у тебя есть, – взглядом победителя окидывает свои тачки, которые я бы с радостью засунул в его задницу.

– Из-за тебя я потерял то, что уже никогда не вернуть.

– Думаешь, только ты потерял мать? Я потерял жену, Алекс. Любимую женщину.

– Не делай вид, что она не была для тебя обузой в последние месяцы. Ты трахал других баб, пока она болела и медленно умирала. И это ты довел ее до такого состояния, – ры-

чу я, в очередной раз сжимая кулаки до боли в пальцах и бросая ему вызов.

Вполне объяснимо, что отец снова хочет меня ударить, но я ловлю его ладонь на лету, смерив его злостную гримасу испепеляющим взглядом.

– Это все, на что ты способен? Тебе даже сказать в свое оправдание нечего.

– Нет, сын мой. Я способен призвать тебя к ответственности, – убирает руку, встряхивая ее.

– Валяй.

– Ремонт машины оплатишь ты. Из своего кармана, – ультимативным тоном выдает Владислав, поправляя тугой галстук, завязанный в районе выемки горла. – *Dulce vida* (*сладкая жизнь с испанского) закончилась. Больше ни копейки моих денег ты не увидишь, не считая тех, что уходят на твоё обучение.

– Ты прекрасно знаешь, что у меня нет таких денег. Своих, – бью кулаком в стену, мечтая только о боксе или скоростной гонке, способной экологично избавить меня от накопившейся агрессии в сторону родителя.

– Отдай свои накопления, продай мотоцикл. Ноутбук, планшет, часы. Что угодно. Пораскинь мозгами, сынок, и возьми, наконец, ответственность за свои ошибки, – очевидно, отец не шутит, и, судя по тому, каким взглядом он ставит жирную точку, выхода у меня нет. – Даю тебе время до свадьбы. В противном случае я не буду платить за твоё дорого-

стоящее обучение, и тебе придется попрощаться с выбранной карьерой и заняться развитием моего бизнеса.

Блядь. Приехали. Отлично. Какая-то стерва, которую отец сам впустил на порог своего дома, будет разбивать его тачки, а я буду нести за это ответственность?

Злость горючим топливом закипает в обожжённых венах. Я не понимаю, почему в моменте взял вину на себя, хотя мог позвать Марину и устроить очную ставку. Мы вывели бы ее на чистую воду, и едва ли отец наказал бы ее...

Задумавшись, я поднимаю с пола сережку Мари, оставленную на месте преступления. Вариантов, кто мог разбить тачку, не так много.

Потирая костяшки пальцев, приближаюсь к двум своим мотоциклам, что дороги мне так же, как части тела. Эти два зверя – продолжение меня, и продать одного из них – все равно, что отрубить себе руку.

Спортивный Ducati Diavel и эффектный Harley-Davidson Iron 883. Последний стоит в два раза дороже и олицетворяет дух свободы и приключений, являясь совершенством в дерзком исполнении. А какой у него звук двигателя – это настоящая музыка.

Смахивая со второго красавца невидимую пыль, я раздраженно выдыхаю. Он был моей мечтой, и отец подарил мне эту игрушку на восемнадцатилетие.

Наверное, приняв такой подарок, я автоматически заключил сделку с дьяволом. Речь о свободе не идет, когда ты

жрешь из семейной кормушки. Возможно, вся эта ситуация пойдет мне на пользу и ускорит процесс моей сепарации, но продавать мотоцикл совершенно не хочется...

А значит, деньги придется намотать другим путем. И пусть в этом мне поможет та, кто стала виновницей этого неприятного конфуза.

Однажды я куплю на свои деньги не просто мотоцикл, а Porsche 911 цвета мокрого асфальта – он станет для меня символом настоящей свободы и зрелости, к которой я медленно, но верно стремлюсь.

ГЛАВА

Марина

– Мам, ты обещала, что я останусь на домашнем обучении, – уперев руки в бока, я встаю в позу, собираясь до последнего топтать ножкой и противостоять матери. – А теперь заявляешь мне, что сегодня – мой первый день обучения в закрытом колледже?

– Ну, ты можешь не жить там. Возвращаться домой. Дорогая, что плохого, что ты получишь лучшее образование в Европе? Влад все организовал. Для тебя, – меня бесят мамины светящиеся глаза и певучий голос. Она влюблена в Кайриса по уши, и, честно говоря, я впервые вижу ее такой окрыленной, влюбленной и счастливой. Но тот факт, что она не только насильно перевезла меня в другую страну, но еще и затолкала в элитный испанский колледж, раздражает.

Я должна поставить на паузу свои амбиции и карьеру

только потому, что мне еще нет восемнадцати? Мой день рождения в аккурат за день до их свадьбы с Владом, и лучшим подарком для меня будет возвратиться в Питер: навсегда избавиться от Саши, обвивающим мою жизнь ядовитым змеем, и вернуться к своей жизни и амбициям.

– Ты даже не представляешь, что организовал мне его сын! – вскидываю руки, так и порываясь рассказать матери о том, что по воле Александра Кайриса меня чуть было не изнасиловали. Все могло бы закончиться очень печально, несмотря на то, что Саша, якобы, утверждает, что нападение для меня было в рамках «игры». Вертела я его долбаную игру на одном месте!

Но рассказать маме правду – значит признаться в том, что у Саши есть рычаги давления на меня. То есть делиться с ней придется всем от и до. Даже тем, что так отчаянно хочется забыть, стереть из памяти, навсегда вычеркнуть.

Я виновата в том, что произошло. Быть может, Александр Кайрис служит мне смертельным бумерангом в жизни, и я действительно заслуживаю всего, что происходит... и будет происходить дальше.

– Ты что-то хотела рассказать, дочь? Есть что-то, чего я не знаю? – сдвинув брови к переносице, интересуется мама. Утонченным жестом аристократки, она поправляет собранные в пучок волосы на затылке.

– Проехали, – отмахиваюсь я, прекрасно понимая, что своим чистосердечным признанием только добавлю про-

блем.

– Дочь, у тебя странный взгляд, – мама вдруг резко подходит ко мне и, обхватив мое лицо, заглядывает мне в глаза, рассматривая зрачки. – Надеюсь, что ты оставила дурные привычки в далеком прошлом.

– Не понимаю, о чем ты, – убираю ее руки с себя, ощущая на коже ее пальцы, словно кровососущих пиявок, от которых хочется поскорее избавиться. – Так, когда начинаются мои первые занятия?

– С сегодняшнего дня ты допущена к обучению и проживанию в кампусе. Но я думаю, будет лучше, если ты будешь жить здесь, с нами. Не хочу, чтобы ты натворила глупостей, – мама крепко обнимает меня, но камень в моей душе превращается в еще большую глыбу льда.

– Могу ли я надеяться на то, что ты изменишь свое решение?

– Я хочу для тебя самого лучшего, Марин. Согласись, ты была трудным подростком. И ты все еще ребенок. Пока ты не закончишь учебу, я не могу воспринимать тебя как взрослую. Не говоря уже о том, что ты для меня всегда останешься маленькой девочкой... сколько бы лет тебе ни было.

– Но мне здесь очень плохо, мама. Очень плохо, – признаюсь я, пытаясь достучаться до единственного близкого человека.

– Ты сама знаешь, что сейчас не самый лучший вариант для твоего возвращения в Россию.

Она права, чертовски права. Как бы я ни хотела вернуться... мне действительно страшно. Денис не защитит меня от **него.**

Глава 10

Внезапно из моей личной ванной комнаты выползает Миса. Ей тяжело передвигаться из-за гипса и травмы, но это, пожалуй, самая неусидчивая кошка, которую я когда-либо видела. Жалобно мяукнув, она привлекает внимание Агаты, и та мгновенно кидает вопросительный взгляд на меня.

– А это еще кто? Только не говори мне, что ты подобрала ее на улице.

– Здесь такой огромный дом, мам. Я хочу ее оставить.

– У Влада аллергия...

– Она будет только в моей комнате и на моем балконе. Он никогда не увидит ее шерсть.

– Ладно, чем бы дитя ни тешилось... лишь бы счастливо было, – подводит итог мама, смерившись с мелодично мурлыкающей у ее ног Мисой.

***

Я долго размышляла над тем, какое задание для Алекса придумать. Мне хочется, чтобы оно так сильно всколыхнуло его нутро и больную голову, чтобы он навсегда понял – со мной игры плохи. И если он не остановится и не прекратит свой грязный шантаж, это закончится фатально для нас обоих.

Но жизненные обстоятельства – лучшее вдохновение, и именно они вдохновили меня на следующий раунд жестокой

игры с Кайрисом.

Моя цель – завершить ее как можно скорее. Найти его слабое место, достать из рукава козырь, который перекроет его манипуляции и шантаж знанием моей нелюбезной тайной.

Честно говоря, я до сих пор не могу поверить, что он действительно сделает это. Расскажет всем о событиях пятилетней давности. Как и не могу поверить, что он смеет играть настолько грязно, что управляет мной при помощи секрета, о котором я сама ему и рассказала в порыве страха и отчаяния.

Как бы мне хотелось просто вычеркнуть из памяти те события, а лучше отмотать время вспять и поступить... как-нибудь иначе, не так, как выбрала тогда. Существовай в мире маховик времени, я отдала бы за него все, что у меня есть.

– Марина, Саша уже уехал в колледж, – на крыльце дома меня встречает Владислав Кайрис. Его горделивая осанка и широко расправленные плечи в сочетании с вечно поднятым подбородком красноречиво кричат мне о том, насколько яблоко «Александр» недалеко упало от яблони «Владислав». Они настолько похожи, что даже жутко становится. И судя по тому, что за Владиславом Кайрисом ходит слава дамского угодника, хоть и в прошлом, они похожи даже в этом. Возможно, мужское блядство передается генетическим путем, но мне искренне хочется верить, что моей матери этот павлин будет верен.

– Поэтому тебя отвезет личный водитель, – ставит перед фактом Влад, пока я внимательно изучаю схему общественного транспорта в телефоне.

– Эм...вам не стоит так тратиться на меня, вы не обязаны, – пожимаю плечами, не в силах спокойно и без лишних слов принимать все эти непривычные блага, что внезапно свалились на нашу голову.

– Это мелочи, Марин. Личный водитель у каждого члена семьи – это давно базовый уровень моей жизни. К тому же, ты мне теперь как дочь. Уверен, скоро станешь ею, – Владислав бросает на меня взгляд полный тепла и нежности. Мне даже неловко становится, поскольку этот обволакивающий лаской взор слишком сильно контрастирует с волевым и упрямым палевом Кайриса Младшего.

Наверное, как и любой девочке, что росла без отца, мне очень не хватало подобного внимания со стороны взрослой мужской фигуры. Словив себя на этой мысли, я благосклонно принимаю заботу Владислава, и с легким сердцем заталкиваю свою задницу в комфортабельное авто с личным водителем.

Видеозвонок от Дениса застает меня в дороге. Принимаю его вызов, тут же расплываясь в широкой улыбке, заметив любимую и довольную мордочку на экране своего смартфона.

– Как ты там, малыш? Я обед готовлю. Гречу с курицей, ты там еще от паэлы не устала? – с глупой улыбкой, наблюдаю

за тем, как Ден обильно сдабривает свой обед так называемым «кетчинезом» – замешанным в одном блюде кетчупом и майонезом. – По-домашней русской еде не соскучилась?

– Соскучилась очень, – едва ли не хнычу я. – Паэлью еще даже не ела. А тебя бы с удовольствием, – посылаю ему воздушный поцелуй и Денис тут же сжимает кулак в воздухе, словно мгновенно ловит его, находясь за несколько тысяч километров от меня.

– Блин, когда ты так говоришь, у меня даже аппетит пропадает, – смеется Денис, поправляя свои длинные волосы каштанового оттенка. Он не состригает их, поскольку они просто необходимы для его текущих ролей в нашем театре. Одна из его ролей – это юный Ромео, и я с теплом вспоминаю время, когда была его единственной Джульеттой.

– Когда ты вернешься, Марин? Ты же обещала, что это на время. Что найдешь способ надавить на маму.

– Ох, – тяжело вздыхаю я, вспоминая утренние новости, заставшие меня врасплох и сковавшие ледяной глыбой грудную клетку. – Кажется, я здесь надолго застряла, Ден.

– Ты серьезно? То есть ты не вернешься через пару месяцев, как обещала? – он хмурится, цокая языком и разочарованно качая головой. – В театре по тебе очень скучают. Другие актрисы херово играют, даже по аплодисментам зрителей слышно, – его слова вгоняют меня в глубокую депрессию. Я сплю и вижу, когда вновь буду играть на большой сцене.

– Не знаю, Денис. Пока все сложно с моим возвращением.

– Почему? Давай я помогу, возьму на себя всю ответственность. Тебе восемнадцать скоро. Может, жить вместе будем? – кажется, Денис готов на все, лишь бы вернуть меня домой, как можно скорее и от осознания этого факта, мое сердце заливают бесконечным теплом. – Может мне с твоей мамой поговорить?

– Денис, я не могу сейчас вернуться в Питер, как бы сильно я этого не хотела, – слова застревают комом слез в онемевшем горле.

– Почему? Что за бред ты несешь, Марин? Может тебе в Испании так понравилось?

– Брось. Хватит. Ты же знаешь, моя жизнь – театр. Ты. Наша труппа, репетиции, сценарии... – мечтательно выдыхаю, представляя, как вновь окунусь в свой волшебный мир.

– Ну а в чем проблема тогда? Ты скоро станешь совершеннолетней.

– Дело не только в моем возрасте. Есть другие причины. Поверь, как только они решаться, я вернусь, – обещаю я.

– Я так скучаю, зайка, – артистично опустив на тарелку приборы, с отчаянием в голосе выдает Денис. – Хочу визой заняться, и сам к тебе прилететь.

– Ты правда готов заниматься этой бюрократией? Знаю, как ненавидишь это.

– Ради тебя я на все готов, – бьет себя в грудь Ден. – Смотрю на тебя и слюнями захлебываюсь. Девочка моя, ты такая красивая... глаза грустные. Тебя обижает кто?

– Грустные, – всхлипнув, мямлю я. – Тебя увидела. За-
сучала еще сильнее по дому, – еще чуть-чуть и буду рыдать
навзрыд. – Пройтись бы сейчас по набережной с любимым
кофе.

– И со своим любимым парнем.

– Ага, – мы плавно тормозим, очевидно, прибывая в кол-
ледж. – Деня, бежать мне нужно. На учебу опаздываю, –
вновь отправляю ему воздушные поцелуи. – Ты там ни с кем
не флиртуй. С партнершами по-настоящему не целуйся, –
пригрозив пальцем, предупреждаю я.

– Малыш, ты мне одна нужна. Я жду твоего восемнадцати-
летия много лет, и никогда не давил на тебя. Думаешь, я пе-
рекрою долгие годы ожидания какой-то левой бабой? – усме-
хается Ден.

– Вот я себе цену набила. Замариновала тебя.

– Замариновала, так замариновала. Марина, – тараторит
мое имя Денис, наслаждаясь игрой слов. – Ладно, малыш,
люблю тебя. Созвонимся еще. Тоже на тренировку побегу
сейчас.

– До скорого, – мягко прощаюсь я, ощущая, как душа рас-
цветает после нашего разговора.

Наверное, таким и должен быть настоящий мужчина.
Любящим, ответственным, надежным. Александру Кайрису
очень далеко до этих качеств. И почему я вообще сравниваю
своего парня со своим сводным братом? Как бы там ни было,
это плохой знак.

Перед тем как выйти из машины, я вновь опускаю взгляд в свой телефон и открываю паблик в телеграммы с новостями. В связи с ними, мама приняла верное решение, отправив меня здесь в колледж.

Пробегаюсь взглядом по ужасающим строкам: «Досрочно освобожден...», и вздрагиваю от ужаса, когда лишь на секунду натываюсь на его фотографию.

Больше всего на свете я хотела бы забыть этого человека. Как он выглядит, как говорит... как пахнет.

Если бы я могла выразить действием, как сильно его ненавижу, оно было бы простым: подыхай он на дороге подобно бездомному и подбитому коту, с поломанными руками и ногами, разбитой мордой, я бы никогда не остановилась, я бы прошла мимо.

Такие люди, как он, не достойны милосердия. Но суд, очевидно, решил иначе.

***

Пройдя по ухоженным аллеям и скрытым от солнца аркадам, и вдоволь впитав в себя атмосферу колледжа, направляюсь к зданию, где пройдет моя первая лекция. Честно говоря, пришлось немного поплутать и понервничать, но мой отменный английский избавил меня от бессмысленных скитаний по колледжу.

Колледж международный, несмотря на то что большинство студентов являются испанцами, тридцать процентов отведено под иностранных абитуриентов. Обучение проходит

на английском, поскольку элитное заведение является филиалом Британского университета. Я еще не совсем до конца разобралась в местной системе образования, но насколько знаю, что после выпуска из подобных школ, студент может позволить себе поступить практически в любое учебное заведение Европы и получить стипендию.

Около двадцати минут у меня уходит на поиски аудитории. Первая лекция – философия, являющаяся обязательным предметом почти у всех групп, поэтому и проходит в огромной аудитории.

В этом величественном амфитеатре царит вайб академической торжественности. На мгновение, ловлю себя на мысли, что ощущаю себя на съемках фильма. Полукруглая аудитория, расположенная перед сценой преподавателя, заполнена студентами. Такого многообразия лиц, я, пожалуй, никогда не видела. И каждое, отражает совершенно разный уровень вовлеченности в учебный процесс. Кто-то вообще врубил колонку на задних рядах. Некоторые усердно делают заметки, словно готовятся к какому-то важному тесту или контрольной. Другие – судя по витающему в облаках взгляду, утопают в мире своих мыслей, поглощенные внутренними диалогами и рефлексией.

Среди десятков лиц, я узнаю его мгновенно, незамедлительно. Стоит лишь лучу моего внимания случайно задеть его, прикоснуться.словно непоколебимый монолит в океане их хаоса, восседает Кайрис, выделяющийся среди всех

своими вальяжными манерами и уверенным взглядом. Лев, царь зверей – такие ассоциации возникают в голове, когда видишь его среди такого многообразия представителей животного мира. Его напыщенная фигура приковывает внимание всех присутствующих, создавая вокруг себя ауру власти и величия. А взгляд темных глаз... есть в них что-то магнетическое, непостижимое, что заставляет мое сердце в груди вздрогнуть, а желудок выписать самое безумное сальто.

И это сальто превращается в бесконечную петлю, когда Кайрис манит меня к себе не только взором, но и движением указательного пальца. Я что – собачка ему?

Я сажусь там, где мне хочется, но уже через пару минут, Кайрис опускается рядом.

– Ну как там твоя..., – Саша делает выразительную паузу, обращаясь ко мне. – Киска? Поживает, – ухмыляется, явно записав себя в список гениальных комиков.

– Ничего умнее не нашел спросить? – дерзко бросаю я.

– А что я такого сказал? Хочу знать, не зря ли отвалил пять тысяч долларов за твою киску, – вновь выдает Саша, за что мне хочется вмазать ему учебником по башке или чем-нибудь еще более тяжелым.

Хотя если честно, ему удалось вызвать улыбку на моем лице.

– Какой ты... мерзкий.

– Противный, да? – наклоняется ко мне ближе, позволяя ощутить дурманящий запах его парфюма. Черт. Такие мер-

завцы не имеют права так пахнуть – морской солью, пряной дорогой кожей и машинным маслом.

– Невыносимый.

– И я буду еще более невыносимым, если напомню тебе, что твое время поджигает, – Кайрис постукивает по дорогим часам на своем запястье. Очередной подарок богатого папочки, который он не ценит, но носит, как дорогую игрушку.

– И почему у тебя вечно такое лицо, словно тебе корона жмет голову? Будь проще. Ты ведь ни копейки в своей жизни не заработал. А между прочим, тебе девятнадцать, скоро двадцать, – пытаюсь осадить его я.

– По крайней мере, на этом лице с удовольствием посидела бы каждая красотка в нашем скромном элитном колледже, – переводит все в пошлость Саша. – Судя по тому, как ты пересчитывала кубика моего пресса, пока мы ехали в госпиталь, ты бы не стала исключением, сестренка.

Его слова вызывают во мне целую волну ярости и негодования. И это мерзкое «сестренка» добивает окончательно, особенно, в сочетании с приглашением сесть на его лицо.

– Там считать нечего. А насчет посиделок на твоём лице...слишком самоуверенно.

– Зато, правдиво, – хорохорится Саша. – Открою тебе тайну: несмотря на это, я еще никому не позволял сидеть на моём лице.

– Идиот.

– По тону голоса слышу, что ты хочешь быть первой.

– Знаешь, меня даже челленджем для тебя озарило. Докажи, что твои слова – не просто вечно расцветающий павлиний хвост. Слабо соблазнить любую девушку, что находится в этом зале?

– Даже тебя не слабо, русака, – подмигивает мне Саша, обволакивая меня пронзительным взором, изучающим каждый миллиметр моего тела. Мне стоило выбрать юбку длиннее, чтобы так сильно не тушеваться под его пристальным взглядом. – Выберешь жертву?

– Пусть выберет его величество случай, – экспромтом предлагаю я. – Пусть она будет первой, кто войдет в эту аудиторию, – указываю на дверь, раскрывающуюся буквально через пару секунд после моих слов.

– Блядь, – ругается вслух Саша, привлекая внимания русскоязычных студентов в округе. Забавно, что по этому слову можно вычислять студентов из России. – Sagada (с испанского: дерьмо). Это дочь декана. Мерседес Торрес.

Глава 11

В аудиторию проходит девушка, привлекающая к себе внимание своим изяществом и благородством. Она напоминает мне хрупкую балерину, в которой сокрыто много силы и выносливости, грации, элегантности и изысканности. А главное – скромности и целомудрия, которые сыграют в мою пользу.

Волосы темного оттенка ниспадают на ее плечи волнистыми завитками, придавая ее внешности особый шарм и привлекательность. Твидовые пиджак и юбка подчеркивают изящную фигуру МерсЕдес, а дорогие аксессуары дополняют образ «хорошей девочки».

– Насколько я знаю, она даже в церковную школу ходит. Ты издеваешься?

– Его величество случай сегодня на моей стороне. Если бы сюда вошла одна из твоих шлюх, было бы совсем скучно, – я делаю вид, что вовлеклась в игру Алекса, несмотря на то, что все о чем я мечтаю, это скорее закончить ее. – Может быть, сразу сдашься?

– Еще чего, Мари. Я сегодня же сниму с нее трусики и предоставлю тебе все доказательства того, что она была бы готова перечеркнуть все свои принципы ради меня.

– Знаешь, я начинаю завидовать твоей уверенности в себе, Саш.

– Не называй меня так, – ошетилившись, словно раненый зверь, огрызается Саша, а после расплывается в плутоватой улыбке, упорно наблюдая за своей невинной будущей жертвой.

Саша

Я здорово подыграл Мари, но совсем забыл добавить в процессе наших словесных баталий, что дочь декана давно в меня влюблена. Ходят слухи, что свой нетронутый цветочек, она с удовольствием подарила бы мне, да только, церковь, которую она посещает каждое воскресенье, это дело не одобрит. К слову, мы с Мерседес мало контактировали в реальной жизни, и возможно зря, потому что фигурка у нее зачетная, да и в эти роскошные густые волосы пятерню запустить хочется.

Конечно, она не Мари. И Марина сама не представляет, какие именно чувства будит во мне, и как сильно на мое сознание влияет тонкий шлейф ее духов и запах кожи. Мари – зависимость, которую я презираю сам в себе, ненавижу, жажду уничтожить... чертовы животные инстинкты. Единственное, чем невозможно управлять. Один ее взгляд действует на меня как мощнейший удар током по чувствительным точкам.

Я нахожу Мерседес после пар в одной из дальних беседок сада. Девушка читает книгу Дэниела Киза, неспеша пе-

ребирая страницы. На Мерс – безупречная форма с эмблемой колледжа, но мой взгляд цепляется за короткую клетчатую юбку и белые гольфы, натянутые фактически до бедра. При этом пуговицы ее рубашки плотно застегнуты, воротник украшает женский галстук. Мисс Торрес – типичная «хорошая девочка», но мне, как владельцу ключа от ее двери, будет очень легко ее испортить.

– Знаешь, твои последние статьи и репортажи очень впечатляют, – некоторых девчонок невозможно зацепить, отвалив им конфликты про внешность. Здесь нужна тонкая работа: увидеть в ней то, что не видят другие. Оценить то, куда она вкладывает уйму своего времени и сил.

Мерседес Торрес – не только дочь декана и примерная девочка, но еще и «книжный червь», начинающий журналист и писатель. Она не редактор местной газеты, но полагаю, мечтает им стать. Ходят слухи, что она мечтала поступить в YELE и уехать в штаты, но чрезмерно опекающий отец лишил мисс Торрес ее желаний своим твердым и волевым решением.

– Следишь за моими выпусками? Серьезно? – она быстро закрывает книгу, поднимая на меня свой напуганный взор. Застал птичку врасплох. – Александр Кайрис. Что тебе нужно.

– Читаю периодически. Ты собираешься написать про наши мотогонки в порту, и честно говоря, я надеюсь, что ты не станешь этого делать.

– Почему же я не должна этого делать? Если я пролью свет на беспредел, творящийся в вашей тусовке, то это поможет спасти чью-нибудь жизнь. Мотогонки – опасный спорт, а в ваших, нет абсолютно никаких правил.

– До меня дошли слухи, что я тебе нравлюсь и тебе не с кем пойти на бал в конце месяца. Ты же станешь подставлять своего парня?

В общении с девушками, наглость – второе счастье. Только наглость и уверенность в себе способны сразить любую девушку, внешность вообще не имеет никакого значения. С каждой из своих жертв я всегда веду себя так, словно она уже моя. И так и есть. Я уже вижу сияние в глазах Мерс, и то, как она рада моему вниманию. Возможно, она поэтому постоянно цепляла меня в своих статьях, в которых я фигурирую как «избалованный мальчик» и «король колледжа» – ни то, ни другое, мне не льстит.

Скорее, раздражает.

– Ты? Мой парень? – делает вид, что ей это абсолютно не интересно. – Я не связываюсь с такими парнями, как ты.

– А хотела бы, да? Но боишься, что папочка накажет тебя?

А это уже грубо, Кайрис. Моей отец – декан колледжа, будь осторожен в своих высказываниях.

– А что мне терять, если ты хочешь написать про меня разгромный репортаж. Ты уже приняла решение.

– Возможно, это чему-то тебя научит. Избалованные парни вроде тебя привыкли к вседозволенности: ты устраиваешь

опасные мотогонки, дикие вечеринки, куришь траву...мне продолжать? – нравоучающим тоном, перечисляет Торрес.

– А тебе обидно, что ты сама себе запрещаешь жить? – аккуратно прикасаюсь к ее волосам, вглядываясь в широко распахнутые глаза девушки. – И чувствовать?

– Я ничего себе не запрещаю. Просто мне не нужны острые эмоции, чтобы чувствовать себя живой и полноценной, в отличии от тебя.

– Ты ведь не такая хорошая, как все думают, – касаюсь свободной ладонью ее бедра над коленом. Девушка вздрагивает, облизывая губы. Да, моя хорошая, я понимаю, как тебе приятно. Тебя не трогали, не трахали, не приставали. Да к тебе любой подойти боится из-за твоего папаши, даже я, но поскольку Мари бросила мне этот вызов, выбора у меня не было. Точнее, я не боюсь, просто не хотел связываться с этим, ходить по тонкому льду.

Губы Мерседес приоткрываются, словно она инстинктивно открывает их для поцелуя. Зрачки расширяются, будто она под кайфом. Такая нетронутая и невинная, пожалуй, даже слишком реагирующая на меня. Когда с детства все запрещают, потом так легко сорваться и стать одержимой нимфоманкой. Секс – запретный плод для Мерседес, но все мы знаем, Насколько он может быть сладок.

– С чего ты взял? Опять слухи?

– У тебя же есть снэпчат (социальная сеть, преимущественно для подростков, использующих ее для интимных пе-

реписок, иногда – анонимных). Я в курсе, что ты не можешь позволить себе реальный секс, но с удовольствием занимаешься виртуальным и кидаешь нюдсы без лица.

Я находил ее в этой социальной сети и пару раз разводил на виртуальный секс. И она охотно скидывала мне свои голые фотографии, несмотря на то, что везде прикрывала лицо, чтобы не быть скомпрометированной или опозоренной. В снэпчате фактически невозможно сделать скрин голых фото, поэтому любительницы показать свои прелести на расстоянии, ощущают себя там особо раскрепощенными и вольными.

– Не понимаю, о чем ты. Что тебе нужно, Кайрис..

– Ничего, что тебе бы не понравилось, – ее рот говорит «нет», а движения тела кричат «да» – Мерседес Торрес аккуратно разводит ноги, когда я веду ладонью по ее бедру вверх. – «Невинная», – называю ее ник в снэпчат. Ее глаза округляются, поскольку, юная девственница осознает, что вела со мной интимные переписки. – Помнишь как ты писала, что хочешь почувствовать, как я растягиваю тебя изнутри?

– Перестань, Алекс, – она закрывает ноги, но моя ладонь уже между ее бедер, юбка развратно задрана. Попалась, невинная. – Я много чего бы хотела. Но я не могу.

Встаю над ней, но только для того, чтобы поднять Мерседес с деревянной лавочки и развернуть к себе круглой задницей. Классный вид, ничего не скажешь.

– Сексом можно заняться и без проникновения, – быстро задирая ее юбку, я делаю пару снимков ее бедер, обтянутых маленькими кружевными трусиками. Она судорожно выдыхает, виляя попкой, пока я безошибочно нахожу девственные дырочки и размазываю по ним влагу. Легкая добыча эта невинная. Все женщины одинаковы. Стоит нажать пару кнопок между ног и тут же становятся послушными, сговорчивыми, угождающими.

Все они – лишь тела для секса. Есть только одна девушка, являющаяся для меня целой структурой, игрой, отдельным миром, и именно поэтому она так значима, что все мое внимание крутится вокруг нее.

Это с долбанной Мари я готов пожертвовать друзьями, сном и деньгами, чтобы провозиться с ней в больнице.

Это с Мариной я готов вступать в близкий контакт, несмотря на то, что его фундамент – ненависть, злоба и ярость.

Это Мари, черт бы ее побрал, приходит в мои сны каждую ночь, и вызывает у меня такой мощный стояк, что дрочить по два раза приходится перед тем, как встать с постели и начать день.

Я ненавижу ее, и пожалуй, только ее смерть, избавит меня от всех этих проблем, и освободит много места, которое она занимает.

– Прошу, давай не будем делать этого здесь. Пригласи ме-

ня на свидание. Для начала, – пытается торговаться Торрес, но она видимо не в курсе, что устраивать аукцион слишком поздно, когда тебя кверху задом загнали в угол.

– Я ничего такого с тобой не сделаю, детка, – прижимаясь к ней бедрами, ощущаю, как член болезненно ноет и упирается в ширинку. Я действительно не собираюсь заниматься с ней сексом, но разрядка уже просто необходима. – До следующей пары осталось пять минут, – наматывая волосы на кулак, наклоняюсь к ее уху. – Готова кончить за минуту? – шепчу я, начиная теревить ее клитор, сдвигая белье в сторону.

***

После пар я нахожу Марину и резко преграждаю ей путь на одной из лестничных площадок.

– Фото доказательства того, что я свой челлендж выполнил, – демонстрирую ей экран смартфона, с открытой фотографией Мерседес: вид сзади с задранной до талии юбкой и моя пятерня на сочной заднице. – Засчитывай и я удалю. Не хватало, чтобы декан узнал об этом треше.

– Поздно, Саш. Удаляй, сколько влезет. Фото твоих приставаний к дочери декана уже у меня, – дерзко отрезает Мари, испепеляя меня своим ледяным взглядом.

До меня не сразу доходит смысл ее слов. Кажется, стер-

вочка повышает ставки и тоже начинает играть грязно. Не могу поверить, черт возьми, что она пошла на это: попыталась меня скомпрометировать, причем я искренне не ожидал, что она пойдет на такой отчаянный шаг.

– Хочешь сказать, ты следила за мной в кустах, пока я ублажал другую крошку? Наблюдать за другими во время секса – психическое отклонение, в курсе? – выплевываю я, едва сдерживая свои руки, которые так и тянутся обхватить ее тонкое горло и хорошенько встряхнуть.

– Следила и что такого, Кайрис? На войне с тобой хороши все средства, – складывая на груди руки, перечит Марина. – Если ты не прекратишь шантажировать меня, эти фото попадут к декану. В последний раз предлагаю тебе прекратить этот беспредел.

– Думаешь, моя невинная шалость покроет тот пиздец, за который в ответе ты и только ты? Твои руки в крови по локоть, милая, а я, каким бы засранцем ни был, не являюсь убийцей, – загоняя ее в ближайший угол своим напором, взглядом и шагом, припечатываю в стенку. Марина сжимается под моим взором, дрожь бьет хрупкую и стройную фигурку. Я вырываю телефон из ее рук, и удаляю все снимки, которые она успела сделать.

Она едва ли не плачет от моих слов. Еще бы. Правда глаза режет, не так ли?

– Не надо воевать со мной, русалка. Играть по моим правилам – твой единственный путь. Или будет хуже. Я итак

проглотил твою выходку с отцовской машиной, что доставила мне уйму проблем...

– Какую выходку? Не понимаю, о чем ты? – невинно порхая ресницами, пытается убедить меня в своей невинности.

– Хочешь сказать, машину отца не ты раскрошила? – выплевываю я.

– Зачем мне это? Была бы эта твоя машина – то с удовольствием, – нагло парирует Мари, доводя меня до точки кипения.

– Давай сюда Порш. Быстро, – требую я, убедившись, что снес фотографии из удаленной папки ее телефона.

– Забыла дома, – Мари хочет обогнуть меня и спуститься вниз, но я дергаю ее на себя со всей дури, грубо припечатав к себе. Место, сука. Знай его. Ты на моем поводе, и так будет до тех пор, пока мне не надоест.

Губы Марины дрожат, она отчаянно отводит взор, пытаюсь вырваться из моей цепкой хватки.

– Блядь, – не выдержав, ругаюсь я, сходя с ума от желания растерзать ее, подобно зверю. – У меня важная гонка на деньги и я опаздываю.

А мне они очень нужны. Потому что я заложил дорогой, и лучший свой мотоцикл, чтобы как можно скорее перевести деньги отцу. Если я не выкуплю его, то потеряю его. Честно говоря, на втором своем «звере» я скорее всего одержу победу лишь с божьей помощью, или со своим талисманом удачи.

– И что? Ты не можешь поехать на гонку без детской машинки? – смеется в лицо Марина, и мне это как серпом по сердцу.

– Не могу, – челюсти сводит от гнева.

– Ты серьезно? Тебе сколько лет, Саш?

Неважно сколько мне лет. Я проиграю без талисмана. Или помру на треке. Этого еще не хватало... если вдруг из-за этого недоразумения, так и случится, то ответственность за это ляжет на плечи Мари. И зачем я выгородил ее перед отцом? Разве она того стоила?

Смотрю в ее пронзительные голубые глаза, и думаю лишь об одном: черт возьми, да.

– Скажи честно: ты разбила машину отца? – нужно расставить точки над «и» и двигаться дальше.

– Нет, правда нет, – довольно спокойно вторит Марина, качая головой из стороны в сторону.

Понятно. Кажется, сучка не врет.

– Это хорошо, сестренка, – шепчу прямо у ее губ. – Потому что если ты выкинешь нечто подобное, я тебя уничтожу. Игра у нас жестокая, но хозяин в ней один. И это не ты.

Дорогие, изначально планировала писать этот роман очень быстро)

Но , в очередной раз убедилась, что большинство , читают

мои романы готовыми (судя по комментариям).

Расстроилась, но ничего страшного, очевидно, просто могу писать и не торопиться.

Поэтому выкладка будет ПН, СР, ПТ (не каждый день).

Дополнительные выкладки будут только в случае активно комментирования)

И это не шантаж, просто ваши отзывы всегда были моей скоростью. Если их нет, я лучше буду творить в свое удовольствие, без надрыва, но конечно, постараюсь закончить историю как можно скорее) У нас впереди столько всего эмоционального!

Глава 12

Марина

Чувствую себя словно в кино, когда заявляюсь на мотогонки вечером. Личного водителя не беру, по наставлению Саши и доезжаю на такси – уже с чертовой детской машинкой за пазухой. Адреналиновое мероприятие проходит в порту, прямо как в фильме «Три метра над уровнем неба», который я так любила пересматривать в детстве. Никогда бы не подумала, что все это – не выдумка, а реальность и являются такой явной частью местной культуры.

Хотя, кого я обманываю? Прогуливаясь по улицам Питера, я также частенько видела целые сходки байкеров, но всегда обходила их стороной: бородатые дяди, обожающие «Король и шут» и «AC DC» меня не привлекали. Здесь царит немного другая атмосфера, нежели в России, но смысл один: такие места пропитаны драйвом, страстью к скорости и невероятной энергией.

Судя по собравшейся в порту толпе, в Испании, это не просто гонки, а настоящее шоу, захватывающее умы и сердца юных зрителей.

Конкретно в этой части порта нет прогулочных улиц, кафе и ресторанов. Только грузовые блоки, предназначенные для дальних путешествий по морю и несколько заброшенных яхт.

Оглядываясь по сторонам, я ищу глазами Сашу, но нахожу только сверкающие мотоциклы, снабженные мощными моторами, издающими свой громогласный рев. Сердце бьется быстрее, особенно когда я замечаю, как некоторых байкеров заносит на резких поворотах, когда они разогреваются перед марш-броском, мотаясь по кругу.

Воздух пропитан запахом горячего асфальта и морской соли. Я балансирую на грани между тревогой и восторгом от обстановки и нового опыта.

– Привет, ты выглядишь такой же растерянной, как и я, – поворачиваюсь на звук мягкого голоса. Едва ли не заливаюсь краской, когда осознаю, что ко мне обращается никто иная, как Мерседес Торрес – дочь декана, ставшая жертвой наших с Сашей жестоких игр.

Выглядит она вполне довольной, и кажется даже, светится изнутри.

Что же Кайрис делает с женщинами? Хотя, почему я спрашиваю? Я прекрасно все видела. И лучше мне не вспоминать, каким похабным образом он лапал эту милую девушку.

Я молчу, не находя слов, все еще стараясь понять, что она здесь делает.

– Поэтому давай держаться вместе, – предлагает Мерс дружелюбно, обращаясь ко мне на испанском. – Ты же новенькая? Марина?

– Да, это я, – немного теряюсь, ощущая, что в голове скоро будет каша от микса трех языков.

– Красивое имя. И очень популярно здесь, у нас, хотя я слышала, что ты прилетела из России. Ты ведь сводная сестра Алессандро? – я едва ли не смеюсь в голос, услышав из ее уст Сашино имя на испанский манер.

– Да, есть такое. Но никакая я ему не сестра, он мне чужой человек. Наши родители еще не поженились.

– Правда? А я хотела у тебя узнать что-нибудь про него..., – поправляя за ухо выбившуюся прядь волос, Мерс переминается на месте, явно нервничая.

– Все, что тебе нужно знать: от него стоит держаться подальше. Чтобы он тебе не говорил, – выношу приговор я, ощущая легкий укол ревности.

Тело Мерседес еще не остыло от горячих прикосновений Саши. Он словно колдует, очаровывая девушек так, что они потом в корне меняют свои правила и перестают быть примерными, выбирая заявляться на явно не законные гонки.

– Я знаю, что он нарцисс и бабник. Просто...я пришла поддержать его, – Мерс бросает взгляд в сторону собравшихся в кучу мотоциклистов, окутанных дымом сигарет и поднявшейся от разогрева, пылью. – Как и ты. Правда...ты наверняка по-сестрински, а я..., – она заикается, но я все считываю по ее глазам.

Она влюбилась в него, мать его. Он просто залез к ней в трусы, а она втюрилась. Поверить не могу. Он что, подсыпает всем в трусики приворотное зелье? Есть хоть одна девушка в этом мире, кроме меня, способная поставить Кайриса на

место? Отказать ему? Противостоять? Бросить вызов?

На мгновение, меня охватывает такая сильная ярость и злость в его сторону, что мне хочется просто швырнуть чертову машинку на асфальт и раздолбить ее четкими ударами по крошечному бамперу.

Он не справится с гонкой без своего талисмана удачи, раз уж так сильно верит в него.

– Пока ты не влипла, я настоятельно рекомендую тебе присмотреться к кому-то еще, – не знаю почему, но мне не хочется, чтобы глупый раунд в нашей игре стал началом огромной химии между ними.

Мне должно быть все равно, но это не так. Сама не знаю почему, но мне до одури хочется быть единственной адекватной девушкой в его поле зрения. Потому что Мерс, как ни крути, сделана из моего теста – она также красива, мила, образована, умна, спокойна, и целомудренна, в конце концов. Она – чистая, светлая, увлеченная своими хобби и интересами, и не пустышка, как другие его шлюхи, к которым я и ревновать не могу. Когда Кайрис зажимается на вечеринках со своими дешевками, возглавляет которых некая Кристал, с которой я весьма плохо знакома... а впрочем, ее «слабую на передок» энергетику я чувую за версту, и почему – то не чувствую ничего, кроме отвращения, когда вижу их вместе.

Но Алекс и Мерседес – другое дело. Если он будет проводить время с такой девушкой, как она, я знаю: это будет по-настоящему. Это будет больше, чем просто секс и его жажда

слить свое сексуальное напряжение в теплое русло.

А мне то, что с этого? У меня парень есть, Кайрис – мой сводный брат, меня все это не должно касаться, не должно волновать...но черт-возьми, волнует!

Обуревает чувство собственности. Саша – мучитель, подонок, и как уже было сказано, нарцисс, но он мойподонок.

– Ничего не могу с собой поделать. Мудаки – мой личный сорт героина, – заливается смехом Мерс, подмигивая мне.

Хочется ответить: «Кажется, у нас много общего. Мы подружимся», но я вовремя вспоминаю о своем идеальном Денисе, которого я выбрала разумом, душой и сердцем, а не своей, как бы назвал ее Кайрис, «киской».

– Тогда ты пришла по адресу. Мне кажется, что здесь контингент такой, что мудака ты найдешь на любой вкус и цвет, – я снова киваю в сторону разгоряченных парней, разминающихся перед убойной гонкой.

Точнее и не скажешь. На моих глазах, уже два мотоцикла на дыбы встало – выглядит жутко опасно.

Я даже представить не могу себе, что сяду мотоцикл...исключение ради Мисы было первым и последним в моей жизни.

– А вот и первый подкатил, – парирую я, когда к Мерс подходит один из парней-гонщиков. Они красиво смотрятся вместе, их внешность так сильно контрастирует друг с другом. Парень явно не коренной испанец. У него нордическая

внешность – начиная от светлых волос, заканчивая высоким ростом и аквамариновыми глазами.

– Вау, сама мисс Торрес пожаловала на нашу скромную вечеринку. Как ты осмелилась? Надеюсь, отца с собой не взяла? – начинает цеплять он Мерс, но я-то прекрасно понимаю, что парень заинтересован в ней, как в девушке. Бравада наглеца – лишь маска, за которой скрывается влюбленный в нее хищный зверь.

– Не успела, – с легким пренебрежением в его сторону, бросает Мерседес. – Киллиан, что тебе нужно?

– Гонка парная. Хочу тебя украсть.

– Я на эту штуку не залезу, даже не проси, – встает в позу Мерс, ее глаза распахиваются от ужаса, когда она видит с какой бешеной скоростью мимо нее проносится очередной мотоцикл. – Вы здесь все самоубийцы.

– Обещаю, что тебе понравится и домой я тебя верну отцу в целости и сохранности.

– Нет, даже не уговаривай. Вон, предложи Марине. Она явно посмелее меня будет, – Мерс жестом предлагает Киллиану рассмотреть меня в качестве балласта.

– Она занята, – в наш разговор встречается Кайрис, появившийся словно из воздуха и сразу на мотоцикле, как чертов демон или всадник апокалипсиса. Я даже подпрыгиваю на месте, едва ли не схватившись за сердце. – Талисман у тебя? – задает прямой вопрос, снижая голос.

Господи, как он трясется со своей машинкой. Ему лет –

то сколько?

– У меня, Саш. Что значит «занята»? Я никуда не поеду.

– Поедешь, – отдает приказ, приподнимая подбородок. Взгляд его цепкий и колкий – я сразу понимаю, что ответ «нет» он не примет. Если понадобится – привяжет меня к мотоциклу.

– Мне было достаточно ночных поездок в госпиталь. Я не буду учувствовать в глупых соревнованиях, – повышаю тон, замечая, с каким интересом нас рассматривает Мерс, влюбленная по уши в Кайриса. Киллиан, конечно, пытается овладеть всем ее вниманием, но выходит у него плохо. – Это слишком...опасно. У тебя что, другой девушки для опытов нет?!

– Дочь декана я не повезу, – фыркает Саша, кидая мимо-летний взор в сторону Мерс. Такой, словно и не было у них никаких страстей в беседке. – КристАл наказана, она здорово накосячила и провинилась передо мной, хотя ее только пальцем помани – и она на хвост упадет. Остаешься ты, Мари. И ты сделаешь то, что я скажу.

– Почему это?

– Потому что у тебя нет выбора, – Кайрис садится на мотоцикл, его черты лица мгновенно заостряются, приобретая почти дьявольские, в свете фонарей порта. – Слабо? – произносит слово, которому я не имею права противостоять.

Ясно одно: ослушаюсь его – и вся правда обо мне мгновенно будет раскрыта миру.

– Это новое задание с риском для моей жизни. Ты отдаешь себе отчет в том, что сделает с тобой отец, если со мной что-нибудь случится?

– Мне плевать, – с равнодушием удава, заявляет Кайрис. – Плевать, сдохнешь ты или будешь жить. Потому что если с тобой что-то случится на моем мотоцикле – то нам крышка обоим. А я собираюсь жить долго и счастливо, так что тебе не стоит беспокоиться. Садись.

Глава 13

***

– Старт через три минуты, – по порту проходится раскатистый голос ведущего гонки, сокрытого от глаз. – Достаем ремни и отдаем своих пассажиров в руки ассистентов.

Я все еще не понимаю, что происходит. Не осознаю до конца. Словно под наркотой или влиянием психотропных веществ, я превращаюсь в нечто, безоговорочно плывущее по течению. Состояние аффекта или влияние Саши – у меня нет точно ответа, почему я снова сажусь на чертов байк, но это еще не все.

Со стороны к нам с Кайрисом подходит ассистентка, прицепляющая меня к нему при помощи специального ремня, соединяющего наши тела воедино. Мурашки охватывают позвонки и область затылка, дурное предчувствие зарождается в солнечном сплетении. Подобный спасательный трос и плотные шлема вдобавок, кричат мне лишь об одном – поездка на мотоцикле будет очень сильно отличаться от того бережного приключения на байке, когда Алекс любезно согласился подвести меня с Мисой до госпиталя.

Это будет не гонка. А забег на разрыв аорты. И очевидно – моих голосовых связок, потому что кричать во все горло от ужаса мне хочется уже сейчас, а мы еще даже не начали.

– Алекс, я хочу слезать, – в панике бормочу я, опуская

ладонь на его грудную клетку и прижимаясь сзади. – Кайрис, пожалуйста. Не заставляй меня.

– Поздно, малышка, мы уже по самые жабры связаны. Раз уже села – сиди и не рыпайся, держась крепче.

– Нежели тебе совсем не страшно? – интересуюсь я, пока мир ночных гонок расплывается перед моими глазами.

– Страх пробуждает в нас острое желание жить. И это именно то, что мне нужно, – парирует Кайрис.

– Ты сумасшедший. И я тебя ненавижу.

– Речь не мотивирует, русалка. Попробуй еще.

– Чего? Я должна тебя мотивировать?

– Да. Пообещай мне награду, если я доставлю тебя к финишу в целости и сохранности.

– Могу пообещать тебе, что не расскажу в подробностях об этом треше твоему отцу.

– Не интересно. Поцелуй с языком звучит куда более вдохновляюще.

– Ты с ума сошел? Ты мой будущий брат.

– Запрет меня возбуждает, как бы сильно ты меня не раздражала. Хочу попробовать, каково это – трахнуть ртом свою будущую сестру и бывшую подругу детства, – он начинает так сильно газовать, что его слова фактически не теряются в грозных звуках мотобайка.

– Если твой язык когда-нибудь окажется в моем рту, то в этот же день он будет отрезан моим парнем!

– Это тот, что выступает на сцене в театральных рейти-

зах? – фыркает Саша, пробуждая во мне все оттенки злости.

– По крайней мере, он чисто плотен, порядочен, воспитан и умен. А ты так и останешься мажорчиком, который ни черта не умеет без своей фамилии, – огрызаюсь я.

– По крайней мере, я собираюсь в будущем спасти людей, а не скакать на сцене, облизывая режиссеров ради крутых ролей. Что скажешь, русалка? Сколько из них тебя лапали, прежде чем допустили к прочтению сценария?

Его слова бьют под дых. Выбивают из меня все живое. Ком в горле становится таким огромным, что я уже не способна ему ответить. Все, что я могу – это до безумия сильно врезаться ногтями в его грудную клетку. Расцарапать ее к чертовой матери. Если бы мне удалось порвать его грудину, и засунуть туда руку, сердца я бы там не нашла.

Александр Кайрис гнилой человек. Если он не знает всех грязных подробностей моего прошлого, но о многом догадывается, это не дает ему права так говорить. Не дает! Но он умело давит на самое больное, уязвимое, осознанно отравляя меня своим ядом. Вопрос лишь один: за что, мать его, за что?!

После оглушительного свиста, мы стартуем вперед и мчимся в едва освещенной тьме сильнее ветра. Закрываю глаза, вцепившись в убудка мертвой хваткой.

Сердце колотится так сильно, заглушает рев мотора. Пояс крепко связывает меня с Сашей, являясь последней опорой в этом мире скорости и опасности. Каждая секунда смертель-

ной гонки ощущается мною пробежкой по тоненькому канату над пропастью. Одно неверное движение водителя – и падение в пропасть неизбежно.

Мотоцикл рассекает пространство летящей стрелой, адреналиновые вдохи заполняют легкие. Вокруг проносятся наши соперники, мелькая перед глазами, когда я решаю их приоткрыть. И вновь превращаются в хаотично плывущих призраков, когда закрываю. Слева раздаётся истошный женский вскрик, по которому я понимаю, что один из мотоциклов заносит на повороте. Мамочки, надеюсь, никто не умрет сегодня.

Каждый поворот воспринимается мною с особым ужасом, и я сильнее прижимаюсь к своему мучителю. Я даже начинаю доверять Саше, и немного расслабляюсь, сливаясь с ним в единое целое... да только именно в этот момент, наш байк встает на одно заднее колесо, и потеряв привычное местоположение в пространстве, я визжу и проклиная про себя Кайриса.

Сердце вот-вот вырвется из груди, за несколько секунд отмерив все удары, что предначертаны на жизнь.

Резкий поворот, ускорение, снова поворот... рев мотора, крики зрителей, многотональные свистки... все заканчивается также быстро, как и началось. Саша тормозит, поднимая вокруг себя столб пыли.

– Круглую сумму денег получает Алекс Кайрис, пришедший к финишу первым! Многократный чемпион наших пор-

товых гонок реабилитировался после двухмесячных провалов! – словно сквозь слой ваты, прислушиваюсь к голосу диктора. Голова кружится, несмотря на то что мы уже давно стоим на месте. Мои глаза по-прежнему закрыты, хотя ассистенты освобождают меня от оков ремня и шлема.

На мягких ногах я слезаю с байка, ощущая удушливую панику. Мне нечем дышать, колени и руки бьет мелкая дрожь... хочется упасть на пол и завывать в голос. Не верю, что осталась жива после такого безумия.

– Эй, русалка, ты что? Я тебя живой доставил, а ты помирать собралась? – Саша продолжает издеваться, хотя меня так мутит, что я едва стою на ногах. Мир превращается в смазанную картину, объятую туманом.

– Отвали, не трогай меня, – едва шевеля языком спорю с ним я, когда он подхватывает меня на руки. Прижимает к груди, пока я хватаюсь за его плечи, фактически теряя сознания. Интересно, можно ли умереть от страха? Запросто, наверное. Сердце может не выдержать. – Отпусти меня, поставь на место! – дрыгаю ногами, пытаюсь избавиться от Кайриса, как от назойливого насекомого.

– Прекрати позорить меня, – встает на дыбы Саша, его лицо накрывает раздраженная и безжалостная маска.

– Значит вот что тебя волнует! Тогда именно это я и буду делать, – толкаю его, с разбега упираясь ладонями в его плечи. Толкаю второй раз, прекрасно понимая, что он не сможет ничего мне сделать в ответ. Не будет же он меня бить при-

людно. Да и каким бы ублюдком он ни был, он не поднимет на меня руку – Кайрис только душить умеет, и раскидываться словами, бьющим по болевым точкам.

– Угомонись, сучка. Кому сказал, – словно собаку, дразнит меня Саша, пока я продолжаю толкать его. В следующую секунду он мягко, но четко толкает меня к байку, заставляя прижаться к нему задницей. Ток крови пульсирует в висках и звенит в ушах от охватившего гнева, Алекс расплывается перед моим взором оттенками красных всполохов.

Я вновь хочу его толкнуть, на этот раз, вложив весь свой вес и силу в мощный удар, но Саша ловит мои запястья в воздухе. До боли сжав их, заворачивает за мной, параллельно вжимаясь пахом в мои бедра.

Меня мгновенно парализует. Оторопев, я не осознаю того, что происходит, но к тому моменту, как нас окружает улюлюкающая толпа, он накрывает мои губы своими. Проявив максимум упертости, раскрывает языком мой рот, с рыком и стоном проникает внутрь и буквально трахает меня, толкаясь вздыбленным членом в низ моего живота в быстром ритме. Моя душа кричит в ужасе, бьется о стены моего тела и разума, но его губы становятся долбанным источником кислорода, и раскрываются карающей пристанью в огромном бурлящем океане, состоящего из страха и тревоги.

Каждое его прикосновение, каждое движение губ, словно заклинание, призванное успокоить мой беспокойный дух и затуманить панику, возникшую после гонки.

– Ты мог убить меня, – шепчу в его губы, когда он на секунды отрывается от поедания моих губ, переводя дыхание.

– Это моя главная цель, – со смехом вставляет он, и целует снова, так, что немеют ноги и колеют нервные окончания во всем теле. – Тише, девочка. Дрожишь все. Успокойся, Мари... тише. Все в порядке, – сквозь поцелуи он утешает меня, обволакивая мое сердце медом.

Его голос уносит меня в безопасное убежище, создает непробиваемый бункер. Почему-то именно в его руках, я ощущаю тотальную безопасность, как бы парадоксально это ни звучало, учитывая его маниакальное желание меня убить.

Растворяюсь, забывая обо всем. Есть только Саша, его губы, его тело. Запах, дурманящий и уносящий меня на седьмое небо или даже на три метра выше. А может быть, на десятки, сотни и бесконечные миллиарды метров выше...

Я утопаю в эмоциях и ощущениях, и сдаюсь ему, что для меня сродни маленькой смерти – так открыться ему, приняв поцелуй от человека, который намеренно уничтожает меня, разрывает на части душу.

Ненавижу... всегда буду.

– Ты же обещала, что мой язык будет отрезан, – дразнит меня Саша, ощущая, что я инстинктивно отвечаю на его поцелуй.

– И не только язык, если ты не остановишь это, – вставляю я, ощущая, как нарастает его возбуждение, упираясь в мои бедра.

– Ты про то, что у меня на тебя колом стоит? – усмехается в мои губы. – Я сам такого не ожидал. Не помню, чтобы я от поцелуя был таким твердым, что засадить тебе прямо здесь готов.

– Пошляк. Извращенец.

– Наглец.

– Манипулятор с вечно командным тоном.

– Тебе он так нравится, – его ладони отпускают мои руки и накрывают ягодицы, он толкает мои бедра на свои, заставляя меня изогнуться волной. Черт, что я делаю? Это все очень плохо. Нас могут сфоткать, выложить в социальные сети, все это увидит Денис, родители... стоит порадоваться, что между нами нет кровного родства, иначе совсем жутко было бы.

Несмотря на все запреты, что стоят между нами и откровенную жгучую ненависть, мне тяжело отойти от него даже на миллиметр.

А дальше происходит единственная вещь в мире, способная резко оторвать нас друг от друга – в порту взывают полицейские сирены.

Глава 14

Все бросаются в разные стороны, а мы с Сашей прыгаем на байк, в надежде уехать от полиции как можно дальше. По сравнению с обезумевшей гонкой, любая езда на мотоцикле теперь кажется легкой разминкой. Я захожу во вкус и прижимаюсь к Саше с особой нежностью, чувствуя, как он сжимает мою ладонь, прижатую к его груди. Глаза щиплет, я едва ли не плачу, задыхаясь от того, что ощущаю, как чувственно он поглаживает мои пальцы, управляя мотоциклом одной рукой.

Все это так неправильно, так странно. Мы словно в компьютерной игре под названием «эмоциональные качели», и несмотря на то, что она отравляет наш разум, мы становимся чертовски зависимыми от смешанных эмоций, что она дарит.

– Куда мы едем? – пытаюсь контролировать ситуацию я.

– На базу мотогонщиков, в безопасное место. Мы там всегда финал празднуем, – успокаивает меня Саша на одном из светофоров. – Там будем отмечать и забирать денежный приз.

Так называемой базой оказываются заброшенные катакомбы и нежилые дома на окраине городка. Оказалось, что это отели, лишённые финансирования и приостановленные в стройке.

Алкоголь здесь льется рекой, смех и гогот не прекращается... испанские слова путаются с английскими, а Саша оставляет меня в мало знакомой компании ребят, жарящих зефир у разведенного костра. Здесь так шумно, что все немного начинает действовать на нервы.

– Ты куда? – я умираю от желания снова поговорить с ним по душам. Уточнить, что означал наш поцелуй, и можно ли считать это символом нашего перемирия.

Черт. Логика просто покинула чат. Почему я думаю о своем будущем сводном брате, как о друге, поцелуй с которым меня возбуждает? А еще у меня есть парень, и это окончательно взрывает мне мозг. Быть может, испытывать столько чувств одновременно – нормально для моего возраста? Когда, если не сейчас? Невольно вспомнились слова любимой бабушки: «Марина, крути парнями, пока молодая. Я в твои годы вела себя так, что вся Кисельня за мной табуном ходила! Я влюблялась в каждого красавца, заявляющегося в дом культуры на дискотеку...потом за деда замуж вышла, успокоилась. Любила его сильно, но к тридцати все чувства притупились, и так и не вернулись в том объеме, что были в молодости. В восемнадцать лет все только начинается и это – бесценно. Но находясь в этом возрасте, невозможно осознать ценность счастливых моментов...»

Можно менять страну, культуру, город, время...но кажется, юношеская влюбленность, тем более запретная, граничащая с ненавистью, не меняется от перемены мест «слагае-

МЫХ».

Первая любовь – она у всех такая одинаковая, и такая разная, одновременно. Навсегда меняющая тебя изнутри, какой бы странной, противоречащей всему, она ни была. Такое чувство, что первая любовь – она всегда чуть-чуть «вопреки», и никак иначе.

– Скоро вернусь. Мне нужно деньги забрать, – отрезает Саша немного отстраненно, накрывая меня своей курткой от легкого вечернего ветра. Я вдыхаю его запах, считывая этот жест как невербальное послание о том, что он со мной, несмотря на то, что Кайрису нужно отойти к организаторам гонки. – Я недалеко, ты под присмотром. И не флиртуй с пацанами, иначе будешь наказана.

– Меня нельзя надолго оставлять одну, имей в виду, – предупреждаю я и опускаюсь на огромную бетонную плиту, которая могла бы быть частью фундамента или стеной дома.

– Еще бы, – положив ладони на мои плечи, он всего лишь на мгновение прикасается губами к моему уху, чтобы прошептать: – Наказание тебя ждет в любом случае. Только, если ты будешь меня слушаться, оно тебе очень понравится, – провокационно обещает Кайрис.

В следящую секунду он отрывается от меня и исчезает в толпе парней, празднующих жизнь и бурно обсуждающих детали гонки.

– Жива осталась? – рядом со мной падает Мерседес, протягивая мне хорошенько зажаренную палочку с маршмел-

воду. – Я чуть не умерла от страха. Это было ужасно, – делится впечатлениями девушка. – Ужасно круто, – ее взгляд вспыхивает, очевидно, дочь декана до сих пор пребывает в шоке, как и я. Мы вместе проехали по канату над пропастью. – Жаль, не всем так повезло, как нам.

– Что-то случилось?

– Авария произошла прямо на треке. Вроде никто не погиб, но в госпиталь парочку забрали, еще и полиция их допрашивать будет. Если бы я была на месте упавших с байка, отец бы мне голову с плеч снял, – делится Мерс, а мне вдруг становится дурно от параноидальных мыслей.

Мотогонки, как бы красиво и романтично это ни звучало – это правда, опасно. Полиция вряд ли разгонит эти регулярные сходки. Если они существуют, значит, закон позволяет им быть, они же не вчера начались здесь.

– Авария? Точно никто не умер?

– Они были не на высокой скорости в момент падения, водитель успел затормозить, но все равно. Мы могли бы быть на месте той парочки, Марин, – кошмарит меня Мерседес.

Вот так, по глупости можно и погибнуть. Раз – и тебя нет. И судя по словам Саши, он этого и добивается. Черт, он подверг меня дьявольскому риску. Внезапно, мое сердце утопает в возмущении и ненависти к Кайрису. О чем он думал?

Сначала, меня чуть не изнасиловали.

Потом, я едва ли не стала жертвой аварии.

Он открытым текстом говорит мне, что хочет моей смер-

ти, а потом целует в губы. А я? А я ведусь на эту херню, еще и млею от его поцелуев... черт, а не пойти ли бы ему на три буквы?

Далеко и надолго. Сколько это будет продолжаться? Возможно, мне стоит открыто рассказать всем, о том, что на самом деле случилось тогда и он перестанет иметь такую власть надо мной и шантажировать.

Полная решимости, встаю с бетонной плиты и отправляюсь на поиски Саши. Все безуспешно, Кайрис пропал с поля зрения и оставил меня одну, и это несмотря на то, что в нем один метр и девяносто сантиметров.

– Кайриса не видел? – интересуюсь у одного из парней. Они сплотились в круг, и словно сектанты, курят и пьют пиво, что-то бурно обсуждая на родном языке. Незнакомец окидывает меня оценивающим взглядом, и выпуская дым мне прямо в лицо, кивает в сторону заброшенного отеля, представляющего собой бетонные стены без отстроенных боковых частей.

Что он там делает? Надеюсь, употребляет наркотики. И я с радостью застаю его с поличным...

Поборов страх, вхожу в Богом забытое помещение, уютное во мраке. Здесь, очевидно, периодически тоже собирается молодежь – по периметру расставлены крошечные лампадки на батарееках, освещающих мне путь по длинному коридору.

Я хочу позвать Сашу вслух, но внезапно, прислушиваюсь

к странным звукам, выбивающим у меня опору прямо из-под ног. Черт. Я уже не уверена, что хочу идти дальше... но любопытство, и желание убедиться в том, что это Кайрис, сильнее.

Сердце, словно ошалевшее, барабанит ребра. Так оно не билось даже во время гонки. Бабочки, которым был полон мой живот после чертового поцелуя, превращаются в крошечные летающие внутри ножи.

Может, мне не нужно заглядывать в эту комнату? Ведь по звукам ясно, что я там увижу.

Но я делаю роковой шаг и смотрю. Порно-фильм сопровождается звуковым сопровождением: девичьи стоны, его низкое рычание и дыхание, мощные шлепки плоти о плоть...

Моргнув, ощущаю, как по щеке течет крупная слеза, оседая на губах ядом.

Перед глазами все расплывается, но я все-таки вижу, как Кайрис трахает какую-то девчонку, грубо схватив ее за волосы. Сжав так сильно, что вены проступают в свете электрических ламп. Его татуировками кажутся бесами, что вселились в него и заставляют двигаться в ней так страстно, горячо и отчаянно. Бесами страсти, какой у меня отродясь не было.

И я даже не знаю, что причиняет боль сильнее – то, что та девушка не я, или тот факт, что этот парень, с упоением трахающий свою шлюху – Кайрис.

Мне никогда не хотелось ничего подобного с Денисом. И у меня смешанные чувства: обида, боль, непонима-

ние...злость и даже зависть.

Секс – это что-то животное, запредельное, дикое, неизведанное для меня. А такой секс – тем более.

– Да, детка. Так. Сожми меня сильнее, – трахая ее со всей дури, он вбивается в нее все мощнее, обхватывая ее за все аппетитные и выпирающие места. Еще с секунду, я наблюдаю за тем, как накаченные мужские ягодицы двигаются в интенсивном ритме, а потом...Кайрис поворачивается назад и смотрит на меня.

Краснею мгновенно. Едва ли не умираю на месте от стыда и ужаса. На мгновение, мне кажется, что когда он изливается в нее, его губы беззвучно произносят мое имя...девушка визжит от удовольствия и кайфа, а я просто бегу прочь, хватаясь за живот и перебирая ватными ногами.

Как только я оказываюсь на полностью свежем воздухе, меня начинает тошнить, боль в грудной клетке становится невыносимой. Я не понимаю, почему мое сердце такое глупое и вообще реагирует на этого подонка. У него же биполарка полная, он мягко говоря – конченный.

Ненавидит меня, играет со мной, целует меня, проявляет заботу, параллельно трахает другую...животное. А я «подсаживаюсь» на это дерьмо, залипая на нем своим драгоценным вниманием. Со злости хочется взять любого парня и оседлать его прямо здесь же, но я не стану рубить с плеча.

Убегая, я врезаюсь в Мерседес, но не обращая внимание на то, что она мне говорит, просто ловлю попутку, выбежав

на ближайшую трассу и в слезах называю адрес Кайрисов.

Я не понимаю, зачем он так со мной поступил.

Что я ему сделала?

Ведь, когда он уходил, я чувствовала столько нежности в его прикосновениях, что кажется – она никак не может быть поддельной.

Хорошо, Кайрис. Видит Бог, однажды я причиню тебе такую же боль, какую ты мне причинил. Жизнь длинная. И мое следующее задание для тебя будет беспощадным и безжалостным.

Как думаете, почему Саша так поступил? Юношеский максимализм или что-то его разозлило в моменте?

Глава 15

ГЛАВА

Саша

Ни любви, ни тоски, ни жалости. Все, как я люблю.

– Какая ты шлюха, Кристал, – бросаю в лицо девушку, в которую еще недавно излил фонтан спермы. Черт. Это не было феерично и потрясающее. Скорее, я просто излил свою ярость и злость... гнев на самого себя, что дал такую слабину с Мари. Пошел на поводу эмоций. Поцеловал ее, еще и при всех. Слишком много чести той, кто разрушила мою жизнь. И пусть не своими руками, но она часть своей безумной мамашки, которая несет ответственность за смерть моей матери.

Я пытаюсь отделить Мари от произошедшего и понимаю, что она не виновата. Но не могу. Не могу не желать ей смерти, поскольку мое сердце рвет на части от одной лишь мысли, что ее гибель – достойный ответ этой суке на смерть мамы.

Я порой сам путаюсь в своих чувствах и эмоциях. Но не могу иначе. Мне бы чертовски хотелось повзрослеть и не быть таким ублюдком, но пока, как говорится, нет такой возможности. Невыраженный гнев не дает покоя, он живет во мне подобно трехголовому змею с разными настроениями и личностями. Одна сменяет другую в хаотичном порядке. И я пока не собираюсь себя менять? Ради чего?

Бабы – шлюхи. Посмотреть на Крис: ноги по щелчку пальцев раздвинула, и еще и довольно осталась, что ее яйцами по заднице отшлепали. Ну это же жесть, никакого уважения к себе.

А я и рад ее наказать, поскольку выяснил кто виноват в раздробленной отцовской машине. Одна девушка с вечеринки прислала мне видео, на котором засняла Крис, выходящей из гаража. К тому же, только она находилась внутри дома из всех подозреваемых. Да и мотивов сделать это у нее было предостаточно... что ж, крошка, ты получила свой прощальный грубый секс.

– Это было в последний раз, – безжалостно смотрю на измотанную и вспотевшую Крис. До этой секунды на ее лице блуждала счастливая и удовлетворенная улыбка, а сейчас, ее губы дрожат от непролитых слез. Плачь, детка, плачь. Тебе станет легче, а мне вот плакать никогда нельзя было. Ни разу в жизни я не проронил ни единой слезинки. Мне отец всегда говорил, что «парни не плачут», и я зарубил себе это на носу.

– Алекс, что опять стряслось? Ты же сам меня захотел, сам позвал, сам поцеловал...

– Я не целовал, а кусал тебя. С одной целью – стянуть трусики и кончить, – парирую я, застегивая ремень на своих джинсах. – Думал, хоть какой-то отпор мне дашь после последнего. Но нет, ты все такая же доступная и скучная, Крис.

– Как ты смеешь? Я же для тебя такая только. Только для тебя. Потому что...

– Потому что – что? Потому что не шлюха?

– Потому что люблю тебя, урод! – она толкает меня со всей дури, но я в ответ хватаю ее за волосы, приближая заплаканное лицо максимально близко к себе.

– Любила бы – не подставила бы меня так перед отцом. Он меня чуть с землей не сравнял за тачку.

– О чем ты говоришь, Алекс? Не понимаю, – тараторит горячая испанка, но я отпскаю ее, возведя глаза к потолку.

– Можешь не объясняться. Иначе хуже будет. И не смей ко мне подходить больше: ни в школе, ни на тренировках, ни на треке. Увижу тебя в радиусе десяти километров – твои нюдсы пойдут по всему колледжу, – легко разбрасываю угрозами, расставляя капканы для глуповатой малышки.

Ну а что? Так легче будет. И ей с моих глаз уйти, и мне – не буду срываться и трахать ее, тратить свою энергию. Она уже даже для удобства не интересна. Секс пустой какой-то выходит, не наполняющий. Даже подрочить интереснее. В общем, мараюсь только как будто.

– Как ты можешь быть таким бессердечным? Таким... ты сукин сын, Кайрис, – Крис не находит слов, прикрывая свою грудь футболкой таким образом, словно я ее никогда не видел. Забавная. Даже мило выглядит.

Сукин сын. Меня ничто не триггерит как эта фраза. Желание схватить ее за шею и вмазать в стенку становится фактически невыносимым, но я считаю до десяти и сжимаю кулаки до неистовой боли.

– У меня нет сердца, неужели ты этого еще не поняла? – усмехаюсь я, и докурив сигарету, бросаю ее к ногам девушки. – И это ахуенное ощущение. Рекомендую, Крис. Избавиться от сердца. А то так и будешь тряпкой для ног или использованным презервативом, – я ухожу под аккомпанемент ее яростных и высоких всхлипов. Ничего не чувствую. Знаю, что заслужила.

Трахаться со мной, выбирать меня, и тем более любить меня – ее осознанный выбор. Если она бы не позволяла подобное отношение к себе, она бы сейчас не была в столь разбитом состоянии.

Девушки сами себя не ценят, не уважают, а потом лют крокодильи слезы. Мозги включать надо.

***

Мне передали очень интересную информацию – Мари сбежала с вечеринки своим ходом. Делать нечего, я тут же помчался домой, теряясь в догадках. Может не стоило оставлять ее так надолго? В целом, я трахнул Крис, забрал денежный приз, все дела сделал и принял решение вернуться домой раньше.

Найти ее. Эту нежную и хрупкую девочку, которая не побоялась упасть на мой байк и стойко выдержала дикое испытание. Не то, чтобы подобная глупость достойна восхищения...но у Мари определенно есть характер, внутренний стержень. Она не прогибается, не сдается мне, и как бы сильно я не пытался ее засадить – уверенно стоит на ногах.

Да только есть одна проблема: я по-прежнему до одури хочу засадить ей. Рандеву с Крис не насытило меня ни на грамм, я по-прежнему голоден. И если честно, непрочь пробраться в спальню своей будущей сводной сестры и посмотреть, как сильно ей понравился наш поцелуй? Готова ли она позволить мне большее?

В том, что ей понравилось и она хочет меня, я уверен. Но хочется убедиться, прикоснуться, попробовать, раздражить... ты готова, крошка? Я буду тем, кто поднимет тебя на три метра над небом, и я буду тем, кто не даст тебя утонуть, когда ты полетишь вниз. Я стану твоим безумием, спасением, ночным кошмаром... только я буду решать: дышать тебе или нет, жить или умирать. Наша игра только начинается, и с каждым ходом пешки становится все острее, горячее, зазорнее. Мне, как королю, это определенно нравится.

И ничто не способно сбить мою корону.

По крайней мере, я был в этом уверен, до тех пор, пока не пробрался в спальню Мари. Естественно, не через дверь, потому что прекрасно знаю, что она заперта, а через окно: поднялся по пожарной лестнице, перепрыгнул через перил соседней гостевой комнаты – и вуаля, приоткрытая балконная дверь распахивает мне врата в царство Марины.

– Не ждала, русалка? – когда я уверенно врываюсь в ее спальню, то застаю Мари за типичными девчачьими процедурами, что они так любят выполнять перед сном: она сидит возле туалетного столика и мягко наносит увлажняющий

крем на свои выпирающие ключицы. Это выглядит так сексуально, что я уже готов ей помочь с этим и сделать малышке расслабляющий массаж перед сном. – Куда ты пропала?

Мари вздрагивает от неожиданности, буквально подпрыгивая на стуле. Из ее губ срывается немой вскрик, но девушка быстро берет себя в руки. Я, как зазомбированный, изучаю ее хрупкую фигурку в ночной пижамке, состоящей из шелковых шорт и рубашки-топа. Ее соски, как всегда стоят и манят. Плоский живот напрягается от судорожного дыхания. Стройные ножки так и хочется развести в разные стороны, придавив сестричку к кровати.

Никакая она мне не сестричка, черт.

И даже не подруга детства.

Она – нечто большее, занимающее девяносто процентов моих мыслей. Незнакомое, неизученное, странное. Тому, что я испытываю к Мари нет названия. Ни на одном языке.

Если ее не станет, я буду по ней скучать.

Даже если она просто снова исчезнет из моей жизни...

Черт. Я и забыл: ни любви, ни тоски, ни жалости. Женщины не достойны подобных поэтических мыслей в свою сторону. Но если бы я писал стихи, то все бы посвящал Мари – как самой неоднозначной девушке в своей жизни.

– Я никуда не пропала. Прошу, выйди из моей комнаты. Я не шучу. Позову родителей. Выметайся, – обжигающе холодным тоном отрезвляет Мари. Меня словно под дых бьют, я не понимаю, какого черта она грубит мне. Я оставлял ее на

бетоне в совершенно ином расположении духа.

– А чего это ты так заговорила со мной? Еще пару часов назад к груди льнула.

– Не было такого. Ты сам ко мне полез. А теперь, пошел отсюда, – рычит девушка, яростно топая ножкой и кидая в меня одну из подушек. – Если не выйдешь, в тебя полетит ваза. А в следующий раз – нож! – вспыхивает Мари, тяжело дыша. У меня стоит на то, как она бесится и выражает эмоции, черт. Сердце в таком диком трепете заходится, что дышу едва. Блядь. Она не подстилка. И даже не пешка. Она восхитительна в своей злости.

– Пустые угрозы. Ничего ты не сделаешь мне.

– Отцу твоему наберу точно, – Мари вооружается телефоном. Я приближаюсь к ней, но она уверенно выставляет вперёд руку, выстраивая крепкую невидимую стену между нами.

– Что случилось, детка?

– Не детка тебе я, Саш. В себя приди. Из мира «деток» своего выйди, повзрослей уже!

– Ты забыла, что со мной тебе не стоит так разговаривать? Успокойся.

– Не забыла. Но что нужно тебе: не понимаю. Какого черта в мою спальню приперся, если ненавидишь, если противна тебе? Целовал тоже, потому что противна? Да знаешь что!? Ты мне противен, – девушка взмахивает руками, а я все до конца не могу понять, какая блядь, муха ее укусила.

– Ты просто перенервничала, Марин. Успокойся, – делаю шаг ближе, но сучка нажимает на кнопку вызова моему отцу, и мне это не очень нравится. Не хочу проблем с Владом, итак только что от одной избавился.

– Сбрось вызов. Давай поговорим, – в ответ девушка сбрасывает его, но телефон из рук не выпускает. По-прежнему гипнотизирует меня уничтожающим взором, взгляд ее метает молнии. Разъярённая амазонка моя.

– Разговор наш будет короткий, Саш. Ты выслушаешь мое новое задание. И пойдешь в свою спальню. В противном случае – я дозваниваюсь твоему отцу и обвиняю тебя в насильственных действиях!

– Вот значит как ты запела. Уже ты мне условия будешь ставить?

– У нас игра, Саш. И теперь моя очередь бросать тебе челлендж. Или твоя чертова игра – не святое для тебя и твой собственный закон тебе не писан?! – знает на что надавить, сука. Я от своих слов не отказываюсь. И стараюсь их держать.

– И что ты хочешь выкинуть на этот раз? Что мне для тебя сделать? Быть может: снова поцеловать тебя? – пытаюсь обхватить Мари за талию, но она начинает биться и вырываться так, словно я приставучий червь, присасывающийся к ее коже. Блядь, да что же такое? Ни одна девушка не позволяет себе подобного, когда я прикасаюсь к ней.

Отказы мне в принципе не знакомы.

– Я хочу покинуть эту страну. Как можно скорее, в компа-

нии своей матери. Поэтому, простой вопрос: тебе слабо расстроить свадьбу наших родителей? – ее слова действуют на меня крайне противоречивым отзывом...

С одной стороны, я не хочу, чтобы мой отец женился на этой суке. Я бы с радостью расстроил их свадьбу. С другой стороны, еще больше, я не хочу, чтобы Мари уехала обратно в Россию.

Глава 16

– Ну, если это твой ход, то выбора у меня нет, – пожимаю плечами, перебирая в уме варианты исхода событий. – Я могу попытаться, но выбор другого человека находится вне моей зоны ответственности.

Я знаю, что может стать причиной для отмены свадьбы.

– Сдаешься? – издевается Мари, высокомерно вздернув свой упрямый носик. Она чертовски хороша когда злится, и кажется, заводит меня в таком состоянии только сильнее. И сейчас, она так близко, черт...мы в спальне. Но я даже не принял душ после секса с Крис. Чувствую себя последним мудаком, до тех пор пока не вспоминаю, что Марина не заслуживает большего. Как и другие – она всего лишь игрушка. Просто, моя любимая игрушка и со смыслом.

– Я никогда не сдаюсь. Я без проблем сделаю действие, которое может привести к разрыву свадьбы, – касаюсь ее волос у лица, и обвожу контуры ее тела раздевающим взглядом.

Ее глаза метают в меня молнии, в то время как между нашими телами разворачивается целый десятибалльный шторм, который мы оба чувствуем. Нас качает на волнах взаимных эмоций, а она смотрит на меня таким испепеляющим взором, что я всерьез начинаю задумываться о том, что она могла видеть меня с Кристал.

Или слышать.

Иного объяснения я не нахожу.

Был момент в катакомбах...когда на мгновение показалось, что за нами кто-то наблюдает. Но в темноте, в предгоргазменных фрикциях я не разглядел наблюдателя.

– Что ты делаешь? Не смей трогать меня, – пыхтит Мари, дуя пухлые губки. Ее глаза превращаются в два бескрайних драгоценных камня, переливающимися блеском ста карат.

– Я бы мог сделать это, Мари, – глядя на ее губы, как завожженный, шепчу я. Снова хочу их вкус. Пробовать, кусать, поглаживать языком. Ощущать, какая она терпкая, манкая, настоящая. Моя. Вся моя.

Игрушка.

– Прямо сейчас, – выдыхаю около ее приоткрытого рта, ощущая запах мяты.

– Не надо, – ее дыхание учащается, включая для меня некий «зеленый свет». Для меня и моих рук, которые тут же опускаются на ее округлую задницу. Сжимаю две булочки, едва не застонав в голос. Черт.

– Не надо, – повторяет Мари, но ее колени подкашиваются, а я пользуясь случаем, подхватываю таким образом, чтобы она опустила задницу на стоящий позади нее туалетный столик.

– Почему ты так злишься на меня? – искренне интересуюсь, проходясь носом по ее носу. Так вкусно пахнет русалка. Морем, мятой, упрямством и дерзостью.

– Я видела тебя с другой, – шепчет едва слышно. Благо-

склонно киваю, про себя размышляя : «Я так и знал».

– Если ты злишься и ревнуешь, – низким шепотом, сжимая ее аппетитную задницу. – Значит у тебя есть ко мне чувства.

– В твоих мечтах, – выплевывает она прямо мне в лицо, но я в ответ на это лишь сжимаю ее скулы одной рукой. Другой продолжаю жамкать попу в шелковых шортиках, стораю от желания пробраться к ее нежным складочкам. Хочу увидеть ее под собой – распятую, изможденную, потную, сладкую, в беспамятстве выкрикивающую мое имя. На себе – объезжающую мой член неистовыми движениями. Рядом в постели – с раскинутыми светлыми волосами на подушке. Чтобы ее волосы скользили по моей кожи, а запах был на мне, оставался на мне... даже под утро.

Как хорошо, что она не умеет читать мысли, хоть и видит, как часть из них дьявольски пляшут в моих глазах.

Трахнуть и выкинуть. Использовать и уничтожить. Удалить и забыть... ты захлебнешься в чувствах ко мне, прежде чем погибнешь, Мари. Это я тебе гарантирую.

– Значит, хочешь сказать, ничего не чувствуешь ко мне? – мои губы так близко, и как бы она не пыталась от меня отстраниться, я всей кожей ощущаю, насколько сильно она дрожит, предвкушая мой поцелуй.

– Кроме отвращения.

– А так? – резко потянув на себя ее бедра, я упираюсь каменным стояком в развилку между ее стройных ног. Мари

вздрагивает и выдыхает, пытаясь оттолкнуть меня руками, но при этом лишь сильнее вжимается в мой изнывающий от возбуждения, ствол. Черт, так приятно. Хочу, чтобы она меня потрогала. Но она не станет этого делать, слишком гордая.

– Убери от меня свои грязные руки. Лапай баб, которые с удовольствием вылизывают тебе задницу!

– А мне такие не нравятся, детка, – спорю с Мари я. – Мне нравятся, когда в меня плюют ядом. Так что, продолжай, малыш, и чувствуй, как он твердеет от каждой капли твоей дерзости.

– Ты совсем больной? – пытит Марина, распахивая огромные глаза еще шире. – У тебя конкретный диагноз, Кайрис. Биполярное расстройство на лицо!

– Ты вроде не медик, а актриса. Откуда такие познания?

– Поумнее твоих шлюх буду. Ты просто не привык общаться с девушками с высоким IQ и это не моя проблема!

– А тебя так сильно злит, что я их трахаю, что ты опускаешься до оскорблений в сторону других девчонок? Ты так в себе не уверена?

– Скорее ты в себе не уверен, если ты прыгаешь с одной на другую, словно шмель – опылитель! – я глухо смеюсь, поражаясь тому, что давно не слышал таких изощренных метафор на русском языке. Но Марина, как актриса и творческий человек, даже злится красиво.

– Если я – шмель, то мне в тебе интересно только одно, – подмигиваю я, фиксируя ее запястья за спиной одной рукой.

Второй пробираюсь в разрез широких шортиков и провожу пальцем по кружевному белью – прямо по сладкому местечку между ее ног. Набухшему, влажному, умоляющему, чтобы его потрогали. – Один редкий цветок.

– Я все расскажу родителям, – она пытается сжать ноги, но делает только хуже. Так даже приятнее, правда, детка?

– Не расскажешь. Не посмеешь. Не забывай, кто здесь главный. Кто знает твой грязный секрет.

– И что сделаешь сейчас? Изнасилуешь меня, используя шантаж? – рычит девушка, но еще не догадывается о том, что мой план куда хуже.

– Размечталась, Мари. Мой член нужно заслужить. Ты еще не заслужила, – рычу в ее губы, провоцируя упрямыцу на попытки сбежать и вырваться из моей хватки. – Приятно, правда? – играю с ней я, начиная плавно и мягко тереть клитор, сквозь кружевное белье. Он набухает, а по ее лицу, я считываю, что ей приятно, ей больно... и она очень сильно запуталась.

– Мне он на хрен не сдался. У меня парень есть, Саш. У нас – потрясающий секс! Такой, о каком тебе только мечтать остается. Настоящий, чувственный...

– Скучно. Как скучно.

– Пошел ты. Ах...нет, – она взывает и стонет, когда мой палец без разрешения отодвигает полоску стрингов и мощно погружается в ее лоно. Черт. Такая узкая, что у самого внизу живота все сводит и скручивает. В глазах темнеет...я так

хочу ее. До боли. Но мой план совершенно иной.

– Уже не уходить? Ты мне скажи, – упираясь губами в ее скулу, вставляю второй палец, шире отводя ее ногу. – Ох, какие соки у тебя. Пиздец, ты чувственная. Ахуенная малышка..., – слова сами вырываются, все труднее себя контролировать.

– Перестань. Хватит, – едва ли не плача, сквозь стоны, умоляет она. – Мне больно, не надо.

– Тебе больно, потому что ты член хочешь. Потрогаешь? – кажется, я готов наплевать на свой план и перейти грань.

– Я твой грязный перец трогать не буду, – снова пытается оттолкнуть меня она, но в ответ я лишь сильнее трахаю ее пальцами в безумном ритме, заставляя кричать. Несколько сильных толчков и я выхожу, хлопая ее по заднице, как сучку, которой показали ее место.

Жестко и грязно. Но я не умею иначе. И нежность – не для меня. Будь моя воля, я бы хорошенько ее отшлепал. Так, чтобы она утром не смогла сидеть.

– Марина, ты спишь? Мне нужно с тобой поговорить, – мы оба вздрагиваем, когда слышим жесткий стук в дверь. Слава богу, она заперта изнутри, и нас не увидят в таком состоянии.

Марина бледнеет от страха, начиная толкать меня в грудь.

– Не хочешь, чтобы твоя мама узнала, какая ты грязная девочка? Соблазняешь сводного брата накануне ее красивой и долгожданной свадьбы?

– Прекрати, Саш. Не я тебя соблазнила. Ты сам...

– Я сам. А тебе нравится, – настаиваю я, и она не может даже оспорить это. Слишком возбуждена, слишком ватная. Ласки клитора превращают девушек в податливое желе.

– Марина! Проснись и открой! Мне нужно с тобой поговорить! – верещит за стенкой эта сука, от голоса которой меня просто тошнит.

– Саш, закругляемся.

– Разве тебя не возбуждает то, что нас могут застукать?

– Возбуждает, Кайрис. Ты доволен? – озлобленно рычит на меня Мари, и я удовлетворенно ухмыляюсь.

Оценивающим взглядом взглянув на дверь, я принимаю решение.

– Хорошо, русалка, это взаимно, – с шумом выдыхаю я, резко отстраняясь от Мари.

– Что взаимно? – всхлипывая от боли, она сжимает ноги. Пересохшие губы, поплывший взгляд... я остановил проникновение в момент, когда она фактически достигла пика, и это самое болезненное, что может быть в жестком петтинге.

– Ты мне тоже противна, я просто с тобой поиграл, – ухмыляюсь я, демонстративно вытирая пальцы об футболку. – Твоих стонов мне было достаточно, чтобы одержать победу, – взгляд Мари леденеет. – Доброй ночи, русалка, – как ни в чем не бывало, я машу ей рукой и удаляюсь в сторону балкона, оставляя Марину в подвешенном состоянии.

Недотраханную, измученную, прокатившуюся на эмоци-

ональных качелях фирмы «Кайрис». Дрессировка дает плоды, она фактически стала ручной, и даже не так сильно сопротивлялась, как могла.

Давно я так не спешил в душ. Но не в холодный, чтобы сбросить возбуждение, а наоборот – в теплый, приятный, как ее истекающая влагой щель, в которую так хотелось войти твердокаменным членом. Вместо этого я обхватываю ствол и сжимаю в кулак, ощущая ласки капель воды на теле. Закрываю глаза и накачиваю член, представляя, что вторгаюсь в ее влажные тиски...

Не помню, когда в последний раз дробил не на что-то иллюзорное, а на кого-то конкретного. Но это, блядь, происходит, и Мари начинает занимать все мои мысли.

Мне это чертовски не нравится, но это не мешает мне упереться ладонью в стену, и толкаться вперед раз за разом, представляя, как я раздвигаю ее стройные ножки и трахаю девчонку, которая вызывает во мне полный спектр эмоций – от всепоглощающей ненависти до одержимого влечения.

***

Утренний разговор с отцом длится долго и переносится сложно. Я заявляюсь в его кабинет с пачкой денег и гордо поднятой головой. Недолго думая, я раскрываю карты и проливаю свет на те факты о его будущей супруге, которые он не знал. Лицо отца постоянно меняется по мере моего монолога, и честно говоря, думаю, что за эти пять минут седых волос на его голове стало больше.

– Ты несешь бред, Сын. Что только тебе не придет в голову, – ставит диагноз Влад Кайрис, внимательно выслушав меня. Еще бы. Когда речь заходит о матери, он не может пропустить это мимо ушей, потому что чтит ее память. Хотя, чтит ли? Как-то херовенько, но чтит. Иначе бы не женился на ее подружке. Должен же быть кодекс какой-то внутренний. Я бы не женился на бывшей девушке своего друга.

– Я сказал правду.

– Доказательств у тебя, я так понимаю, нет?

– Ты можешь спросить у нее. Посмотреть на реакцию. Ты бизнесмен, манипулятор и владеешь языком тела. Ты легко распознаешь правду от лжи, – настаиваю я.

– Все это выглядит как жалкая попытка расстроить нашу свадьбу, сын мой. Только я не понимаю – зачем тебе это. И осознаю, что ты становишься все более диким и неуправляемым.

– Неуправляемым? Я достал тебе твои чертовы деньги на тачку! Взял ответственность на себя! А ты даже не оценил это, – фыркаю я.

– Потому что это то, что ты и должен был сделать. Хотя... откуда ты взял деньги?! – сдвинув брови к переносице, требовательным тоном интересуется Кайрис старший.

– Выиграл на гонке, – не вижу смысла скрывать правду. Владу Кайрису хорошо известно о моем хобби.

– Никто не пострадал, Саш? Мне бы не хотелось, чтобы твое имя громче всех гремело рядом с каким-нибудь страш-

ным несчастным случаем. Это репутация фамилии Кайрис. И ты бросаешь на нее тень, сын мой...

– Тогда я сделаю все, чтобы не только стать самостоятельным, но и как можно скорее покинуть этот гребанный дом. Спасибо, что заставил меня это сделать, папа. Мое желание обрести независимость еще никогда не было таким сильным.

– Что ж, вперед, попробуй. Но на врача тебе столько лет учиться, что это всего лишь мечты. А жить, считая каждую копейку, ты не сможешь. Я тебя избаловал. Превратил в непойми что. Где я оступился, Саш? Может ты мне подскажешь, – начинает нудеть и отчитывать Влад.

А мне так тяжело и мерзко становиться. Мне, мать его, девятнадцать лет. А я все стою у него на ковре и поклоне, пока он игнорирует то, что я пытаюсь ему донести.

– Ты оступился, когда убил маму. Своими изменами. Своим равнодушием. И своей циничностью.

– Вот ты как заговорил. У тебя теперь все в смерти Анны виноваты? Может, еще воздух обвиним, которым она дышала?!

– Не переводи стрелки, пап. Измены были. Ее слезы были. Я видел все, и помню каждую вашу ссору в деталях.

– Тогда тебе пора повзрослеть, Александр. Иначе так и будешь жить в прошлом, которое невозможно изменить, как бы сильно мне этого не хотелось.

– Если после того, что я тебе рассказал, ты не отменишь свадьбу...

– Ты не в том положении, чтобы стать мне условия, сын.

У меня своя голова на плечах, своя жизнь.

– Ты пожалеешь об этом. Вот и все.

– Ты мне угрожаешь? – кидая на меня уничтожающий взор исподлобья, стальным тоном уточняет отец.

– Предупреждаю, – выплевываю я, и ретируюсь из его кабинета, хлопнув дверью.

Уже на улице докуриваю сигарету и прыгаю на байк – я всегда так делаю, когда нахожусь не в духе. Музыка в наушниках, ветер в лицо...на перегонки с ним к морю – все, что мне нужно, чтобы прийти в себя.

Дорогие, мне очень важны ваши отзывы! :) Не забывайте об этом)

Глава 17

Две недели спустя

Марина

У него не получилось.

Иначе бы этот день не настал – св

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.